

Вадим Сергеевич Алексеев-Попов

«СОЦИАЛЬНЫЙ КРУЖОК»

и ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 1791 г.

Из истории общественных движений и международных отношений

Сборник статей в память академика Е.В.Тарле

М.: изд-во АН СССР. 1957. С.170-208

Веб-публикация: Vive Liberta, 2012

ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

25 июня 1791 г. сотни тысяч жителей Парижа в поистине «выразительном и трагическом»¹ молчании встречали своего «бывшего», как его теперь называли, короля. Да, именно бывшего, потому что за те бурные четыре дня, которые прошли с утра 21 июня, когда выстрелы из пушек и гул набата известили столицу о бегстве Людовика XVI, надломилась вера масс в короля, уже с весны упорно подтачиваемая подозрениями по его адресу.

«Изменник сам себя разоблачил: вот, значит, чего стоили все его клятвы²... Мы наказаны за то, что поверили, будто король может полюбить свободу и отказаться от прелестей деспотизма,— такие речи я слышал во всех общественных местах»³,— сообщает один из очевидцев. Эти сложные чувства бурно проявились 21 июня в стремлении немедленно стереть из окружающей обстановки всякое напоминание о короле, этой «толстой сбегавшей свинье» и о давно уже страстно ненавидимой «австриячке» — Марии-Антуанетте. Сотни рук разбивали их скульптурные изображения, стирали, замазывали слова «король», «королева», «королевский». Повсюду их заменяло величественное слово «нация». Оно впервые теперь прозвучало как гордое имя народа, охваченного упоительными чувствами свободы, патриотического единства и своей непобедимой силы⁴.

Французский народ, переживавший в эти дни новый огромный революционно-патриотический подъем, высоко, как свое знамя, взметнул это слово. «Vive la nation!» — этот будущий боевой клич армий революции прогремел летом 1791 г. по всей Европе и вдохнул надежду в сердца ее поработанных народов, стонавших под игом венценосных деспотов.

Народ «добротного города Парижа», который Людовик XVI перед своим бегством убеждал вернуться к нему, уверяя, что «всегда будет его отцом и лучшим другом», осудил и с презрением отверг короля, осыпал его градом самых язвительных насмешек именно потому, что тот изменил нации

¹ «Révolutions de France et de Brabant», 1791, № 82, p. 291.

² С целью усыпить бдительность народа, Людовик XVI поручил, например, министру иностранных дел сообщить 23 апреля 1791 г. европейским дворам о его «преданности» конституции. В то же время «под рукой» всем монархам было дано знать, что впредь они не должны верить ни одному слову официальных заявлений французского двора, приступившего к тайной подготовке бегства короля, назначенного первоначально на 10 мая 1791 г.

³ E. Dumont (de Genève). Souvenirs sur Mirabeau et sur les deux premières assemblées législatives. Nouv. éd. Paris, 1951, p. 174.

⁴ А. Олар, несомненно, совершенно прав, относя события 20—25 июня к числу подлинно «национальных», т. е. сделавшихся известными всему населению городов и деревень и пережитых ими (см. А. Олар. Политическая история Французской революции. М., 1938, стр. 150).

и революции — этим родным сестрам — и, бежав к границе под защиту войск иностранных деспотов, «поставил себя вне отечества» (s'expatriant).

Родившийся в массах лозунг «жить свободными или умереть» приобрел после бегства короля новое содержание. Если в первые дни и месяцы революции он выражал ненависть всего третьего сословия, в том числе и его имущей части — крупной буржуазии, к феодально-абсолютистским порядкам, символом которых были Бастилия и «леттр де каше», к сословным привилегиям духовенства и дворянства, то теперь приобретенный массами опыт, последствия саморазоблачения королевской камарильи как центра организации национальной измены, внутренней контрреволюции и иностранной интервенции — вплотную подводили массы через осуждение личности короля к отрицанию самой монархии. «Теперь мы опять в том же положении, в каком мы были после взятия Бастилии: свободны и без короля», — говорилось в петиции клуба Кордельеров Национальному собранию, датированной 21 июня 1791 г. «Остается выяснить, стоит ли назначать другого»⁵.

Именно над этим вопросом Людовик XVI и его ближайшее окружение, вопреки своим намерениям, и заставили теперь задуматься миллионы французов. Отрицательный ответ означал требование установления республики. Это требование и было выдвинуто 21 июня передовым отрядом демократического движения — клубом Кордельеров. Идея республики получила временно благоприятные условия для своего распространения. «Долой короля, долой короля — таков общий голос», — сообщает газета «Социального кружка»⁶. «Вчера здесь со всех сторон раздавались возгласы негодования против Людовика XVI и выражения ненависти к королям: повсюду слышно было слово республика», — писала 22 июня М. Ж. Ролан своему корреспонденту⁷. Газета «Парижские революции» утверждала даже, что если бы президент Национального собрания в этот момент поставил вопрос о переходе к республике на голосование на Гревской площади, в саду Тюильри и в Пале-Рояле, — «то Франция уже не была бы монархией»⁸.

Однако авторы этих последних сообщений, сами республиканцы, хотя и различных направлений, несомненно, принимали желаемое за уже существующее. Требование республики не стало еще тогда в Париже (не говоря уже о провинции и ее крестьянском населении) лозунгом борьбы широких народных масс⁹. Демонстрация трудящихся Сент-Антуанского предместья перед Собранием (24 июня), участники которой, осуждая короля,

⁵ A. Mathiez. Le club des Cordeliers pendant la crise de Varennes et le massacre du Champ du Mars. Documents en grande partie inédits, publiés avec éclaircissements, de notes. Paris, 1910, p. 46.

⁶ «La Bouche de fer», № 73, 25.VI 1791.

⁷ «Lettres autographes de madame Roland, adressées à Bancal des Jassarts, membre de la Convention, publiées par M-me H. Bancal des Issarts, et précédées d'une introduction par Saint-Beuve». Paris, 1835, p. 239.

⁸ «Révolutions de Paris», 17—26.VII 1791.

⁹ Что касается наиболее массовой организации буржуазных кругов — клуба якобинцев в Париже и «присоединившихся» к нему различных обществ в провинции, то известно, что их отношение к республике было в это время резко отрицательным. Принятая 28 июня 1791 г. «Обществом друзей конституции и равенства» в Монпелье петиция с требованием республики была отвергнута подавляющим большинством обсуждавших ее обществ (см. H. Chobaut. La pétition du club de Montpeliers en faveur de la République. «Annales historiques de la Révolution française», t. IV, 1927, p. 547—563. Л. Карденаль присоединился к выводам Шобо. См. L. de Cardenal. La province pendant la Révolution. Histoire des clubs jacobins (1789—1795). Paris, 1929, p. 147). Республиканские выступления кордельеров были поддержаны лишь в Артонне и Доле; с требованием республики выступал у якобинцев Клермон-Феррана Банкаль дез Иссар.

клялись в верности нации и закону, не может — вопреки точке зрения, принятой в нашей литературе — рассматриваться как республиканская. Не находим мы «республиканского духа» и в петиции от 24 июня, составленной клубом Кордельеров, так как здесь содержалось требование судить короля, высняв предварительно мнение департаментов, но ни слова не говорилось о республике¹⁰. Объясняется это тем, что рабочие и плебейские массы, политически еще мало развитые, осуждая личность Людовика XVI и даже склоняясь к отрицанию монархии, не могли так быстро и самостоятельно выдвинуть свой идеал нового государственного строя, призванного заменить эту монархию. Они нуждались в том, чтобы выходцы из других классов и социальных групп развили перед ними этот идеал, разъяснили и обосновали его. Вот почему первыми пропагандистами республиканской идеи неизбежно должны были явиться и явились идеологи буржуазной демократии, учителем и идейным вдохновителем которых был величайший теоретик левого крыла философов французского Просвещения XVIII в. — Руссо. Развитое им в «Общественном договоре» учение о народном суверенитете, несмотря на ряд оговорок, было фактически пронизано республиканским духом¹¹.

Высказанное нами сейчас положение не имеет ничего общего с концепцией А. Олар. Этот историк, стоявший по своим политическим и научным взглядам всецело на буржуазной точке зрения¹², в искаженном виде представил «происхождение и развитие демократии и республики» во Франции во время революции 1789—1794 гг. Так, например, Олар утверждал, что рабочие массы Парижа были взволнованы весной 1791 г. слухами о бегстве короля скорее «...в качестве роялистов», так как якобы боялись остаться без своего «отца и руководителя»¹³. Основываясь на этом явно ошибочном обобщении одних фактов и не желая вдумываться в значение других, Олар всячески преувеличивал оторванность демократов-республиканцев от масс, от народа и приходил к категорическому отрицанию народного, демократического происхождения республиканского движения, рассматривая его исключительно как результат деятельности немногочисленной буржуазной «республиканской партии»¹⁴. Из того факта, что эта республиканская партия, существовавшая, по его мнению, уже с конца 1790 г., «вышла не из предместий и мастерских и ее происхождение вовсе не народное», Олар делал вывод, что «республика, которую начали пропагандировать во Франции», была исключительно «буржуазного и полупаристократического происхождения»¹⁵.

Однако М. Ковалевский еще в 1897 г. показал, что это было не так. Практическая деятельность клуба Кордельеров (в которой частично участвовали и так называемые «пассивные» граждане) еще в конце 1790 г., его борьба за принципы непосредственной народной самодеятельности, активного вмешательства народа в политическую жизнь привела эту организацию к тому, что, «не провозглашая себя открытыми республиканцами, оставаясь, на почве декларации прав и требуя одного лишь строгого ее применения», кордельеры явились наиболее последовательными проводниками принципа «народовластия», несовместимого, естественно, с сохра-

¹⁰ А. Mathiez. *Op. cit.*, p. 53—54.

¹¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1947, стр. 463.

¹² См. В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 196.

¹³ А. Олар. Указ. соч., стр. 138.

¹⁴ Кстати говоря, и такого рода партии как единого целого не существовало, как, впрочем, не было и той единой «демократической партии», левым крылом которой Олар считает всех республиканцев.

¹⁵ А. Олар. Указ. соч., стр. 117.

нением королевских прерогатив¹⁶. Еще 17 апреля 1791 г. они открыто обвиняли короля в том, что он своим поведением «возбуждает противников конституции к неповиновению, а мятежников к восстанию, подготавливая тем самым ужасы гражданской войны»¹⁷. Таким образом, именно М. Ковалевскому принадлежит, вероятно первому, заслуга установления преемственной связи демократического движения конца 1790 г. и первой половины 1791 г. с республиканским движением лета 1791 г.

Существование этой связи было подтверждено в 1910 г. А. Матъезом в его чрезвычайно ценном труде по истории клуба Кордельеров во время Вареннского кризиса, основанном на тщательном изучении множества впервые опубликованных им здесь источников¹⁸. «Демократическое и социальное движение, возглавленное кордельерами, было в своей основе движением республиканским,—делал вывод Матъез,—так как одним из первых пунктов их программы было непосредственное управление народом при помощи самого народа»¹⁹. Делало честь исследовательской добросовестности Матъеза то, что он, вопреки своей ошибочной, отрицательной оценке «Социального кружка» на всем протяжении его деятельности — как оторванной от жизни «политической академии», считал необходимым все же отметить, что в годы революции первым пропагандистом этой теории «народовластия» явился член клуба Кордельеров Бонвилль, изложивший ее осенью 1790 г. на страницах газеты «Социального кружка» — *La Bouche de fer* («Железные уста»), редактором которой он являлся, будучи автором проекта создания кружка и одним из его главных идеологов и руководителей. Как мы увидим, «республиканское или национальное правление», с планом организации которого Бонвилль выступил в этой же газете в дни кризиса лета 1791 г., и являлось дальнейшим развитием и конкретизацией именно этой идеи «народовластия».

Такова была, полностью игнорируемая Оларом, действительная линия развития, связывавшая отвлеченную теорию Руссо с практическим демократическим движением 1790—1791 гг., в ряды которого через различные народные (так называемые «братские») общества все больше вовлекались и неимущие, «пассивные» граждане²⁰. В своем сводном труде по истории революции Матъез пришел к выводу, что все эти общества разделяли политический идеал кордельеров, видя в утверждении самим народом конституции и важнейших законов гарантию против его угнетения новой буржуазной олигархией²¹.

Однако не только это отрицание демократического происхождения республиканской идеи и республиканского движения определяет несостоятельность концепции А. Олара. Не менее серьезным ее пороком является изображение этого движения как чисто политического, т. е. игнорирование его социальных истоков, его классовой сущности. Против подобной трактовки истории республиканского движения и выступил в своей книге А. Матъез.

Исследовав конкретную историческую ситуацию, он первый показал,

¹⁶ М. Ковалевский. Происхождение современной демократии, т. III, М., 1897, стр. 176—177. В декабре 1790 г. этот клуб вел агитацию за проведение голосования среди населения столицы по вопросу об образовании отдельного Парижского департамента и, основываясь на пожеланиях большинства, обратился с соответствующей петицией к Собранию.

¹⁷ Там же, стр. 183.

¹⁸ А. Mathiez. *Op. cit.* Приложения, стр. 65.

¹⁹ А. Mathiez. *Op. cit.*, p. 34—35.

²⁰ Наиболее полные фактические данные об этих обществах содержит работа J. Bourdin. *Les sociétés populaires à Paris pendant la Révolution*. Paris, 1937.

²¹ А. Матъез. Французская революция, т. I. М., 1930, стр. 137.

что после бегства короля республиканцами на более или менее длительный срок стали представители различных общественных групп. Среди них он различает: «социальных консерваторов» — в лице наиболее влиятельных представителей либерального дворянства, полагавших, что поддерживать Людовика XVI было бы опасно для «защиты их социальных интересов»²², затем, таких деятелей, как, например, Кондорсе, которые в это время лавировали между членами «клуба 89 г.» и демократами, виднейшие руководители которых (Робеспьер, Марат, Петийон) в это время, как известно, еще не стояли на республиканских позициях. Наконец, в лице Ф. Робера и других деятелей клуба Кордельеров, наиболее тесно связанных с демократическим движением, Матьез видит борцов за буржуазно-демократическую республику, так как именно они боролись против «господства привилегированной буржуазии, против парламентской автократии, занявшей место дворянства и духовенства»²³. Мы видим, что эта классификация далеко не полна; нам, в частности, придется еще остановиться на позиции группы Бриссо-Ролан, не нашедшей своего места в схеме Матьеза, слабой стороной которой является то, что в основе выделения того или иного течения не лежит характеристика социального облика представлявших его политических деятелей. Но для буржуазной историографии его времени, в которой так называемый Вареннский кризис рассматривался исключительно как конфликт между королевской властью и Национальным собранием²⁴, имели огромное значение выводы Матьеза, утверждавшего, что основным содержанием кризиса явилась борьба внутри самого третьего сословия и не по вопросу о том, быть ли Франции монархией или республикой, а из-за того, победит ли в ней демократия (Матьез называет ее «народной», — мы же знаем, что она могла быть лишь буржуазной) или в стране установится господство новой, буржуазной аристократии²⁵. «Ничего нельзя понять в событиях, последовавших за бегством короля, — писал Матьез — если постоянно не представлять себе духа этой социальной борьбы. Вареннские события будут использованы двумя партиями патриотов, каждая из которых попытается извлечь из них пользу для себя. Я не сомневаюсь, что Людовик XVI не был лишен трона в июне 1791 г. только вследствие этого антагонизма классов, в борьбе которых он был лишь ставкой»²⁶.

Однако этот единственный верный анализ содержания кризиса 1791 г. Матьезу помешало развить отсутствие у него научного понимания классов. Ограничившись указанием на то, что против «буржуазной аристократии» выступил «класс санкюлотов», «класс пассивных граждан»²⁷, Матьез не рассмотрел ни конкретного состава этого своеобразного социального агломерата, включавшего в себя и низшие слои буржуазии, и ремесленников, и тогдашних рабочих²⁸, ни те социальные противоречия, которые су-

²² A. Mathiez. Op. cit., p. 38.

²³ Ibid., p. 37.

²⁴ Эту же ошибочную позицию продолжают, впрочем, занимать и многие из авторов позднейших работ (см., напр., A. F o u c a u l t. La fuite du roi (Varennes, 1791). Paris, 1932; Ch. A i m o n d. L'Enigme de Varennes, Paris, 1935).

²⁵ A. Mathiez. Op. cit., p. 38.

²⁶ Ibid., p. 34.

²⁷ Ibid., p. 27, 30.

²⁸ К сожалению в нашей литературе и сейчас еще уделяется недостаточно внимания этому важнейшему вопросу. Это придает особое значение ценному в данном отношении сборнику статей «Якобинцы и санкюлоты», изданном в ГДР под ред. проф. В. Маркова и содержащему, в частности, статью А. Собоуля «Классы и классовая борьба во Французской революции» (Jakobiner und Sansculotten. Beiträge zur Geschichte der französischen Revolutionsregierung 1793—1794. Herausgegeben von Walter Markov. Berlin, 1956).

ществовали между ними и крупной буржуазией. Опираясь на такого рода слитным понятием, как «санкюлоты» и «класс пассивных граждан», скорее, в сущности, политическим и юридическим, нежели социально-классовым, утверждая, что кордельеры весной 1791 г. подготавливали новую политическую революцию, которая «будет также революцией социальной, так как она приведет к власти класс пассивных граждан»²⁹, Матъез доказал, что ему было чуждо понимание того, что та «народная», как он ее называет, демократия, за которую боролись не только Робеспьер и Петيون, но и кордельеры, могла быть и была в действительности лишь буржуазной³⁰.

Видя, таким образом, в клубе Кордельеров — как в выразителе якобы единых интересов всей массы «пассивных граждан» — именно тот центральный пункт, с которого лучше всего наблюдать демократическую и республиканскую агитацию лета 1791 г.³¹, Матъез упустил из поля своего зрения деятельность «Социального кружка» — второго крайне важного центра этого движения. Этим он лишил себя возможности, во-первых, увидеть действительный центр пропаганды республиканской идеи, гораздо более активный в этом отношении, чем кордельеры; во-вторых, значительно расширить наше представление о социальном содержании требования республики, так как в отличие от кордельеров, не связывавших с установлением республики никаких социальных требований³², наиболее смелые идеологи «Социального кружка» (Бонвилль) делали это — и притом выходя за рамки задач буржуазной революции, объективно отражая этим требования рабочего большинства «пассивных» граждан, всех тех, кто был лишен собственности.

Такова та историческая и историографическая перспектива, в которой нам рисуются общие контуры исследуемого вопроса. Его изучение во многом затрудняется тем, что история кризиса 1791 г. в целом изучена еще далеко не столь глубоко и систематически, как того требует его значение в общем ходе революции. Марксистско-ленинская историография рассматривает политический кризис лета 1791 г., борьбу республиканско-демократического движения против большинства Национального собрания, всеми силами стремившегося к сохранению конституционной монархии, как результат обострившихся социальных, классовых противоречий внутри третьего сословия, как политическую форму конфликта между классами и социальными группами, кровно заинтересованными в дальнейшем развитии и углублении буржуазной революции, т. е. между крестьянством, рабочими и основной массой буржуазии, и стоявшими у власти представителями крупной конституционно-монархической буржуазии и объединившимся с ней либеральным дворянством³³. Однако, к сожалению, в работах советских историков, как и в работах зарубежных прогрессивных историков и историков-коммунистов³⁴, не восполнен еще ряд весьма существенных пробелов в изучении конкретной истории этого кризиса.

²⁹ Ibid, стр. 30.

³⁰ Именно поэтому Матъез видит в развитии Якобинского клуба борьбу двух тенденций: буржуазной и демократической (A. Mathiez. Op. cit., p. 31).

³¹ Ibid, p. 11.

³² А. Матъез подтверждает, что они «не обсуждали никаких проектов социальных преобразований» (A. Mathiez. Op. cit., p. 6).

³³ См. «Французская буржуазная революция 1789—1794 гг» под ред. акад. В. П. Волгина и акад. Е. В. Тарле. М.—Л., 1941, стр. 77—82; А. З. Манфред. Великая французская буржуазная революция XVIII века. М., 1956, стр. 84—117.

³⁴ См. Ж. Брюа. История рабочего движения во Франции, т. 1. М., 1953, стр. 118—125.

В частности, не разработана предыстория кризиса, отсутствует систематический анализ углубления социальных противоречий между «низшей» и «высшей» частью третьего сословия, т. е. между рабочими и крупной буржуазией, не показано отражение этих противоречий в политической борьбе периода кризиса, в частности, в факте возникновения различных течений внутри республиканского движения лета 1791 г. Мы будем вынуждены остановиться на этих моментах, но, естественно, лишь постольку, поскольку этого требует наша тема.

* * *

Непосредственная предыстория политического кризиса лета 1791 г., понимаемая как постепенное обострение противоречий внутри третьего сословия, приводящее к открытому расколу в нем, падает на весну 1791 г. Процесс же накопления этих противоречий начался значительно раньше. Определяя в самом общем виде сущность этих противоречий, можно сказать, что они были порождены нараставшим разочарованием трудящихся масс и демократических слоев буржуазии, вопиющим контрастом между начертанной буржуазными идеологами чрезвычайно широкой программой революции и ее практическим осуществлением. В политической плоскости этого контраст выразился в грубом нарушении принципов «Декларации прав человека и гражданина» в цензовой конституции 1791 г., в ряде антидемократических и антирабочих декретов Национального собрания³⁵. Этот поход против только что завоеванных массами политических и социальных прав увенчался утверждением 14 июня 1791 г. так называемого закона Ле Шапелье, этим «буржуазным государственным переворотом», как его назвал Маркс, и декретом 16 июня 1791 г. о закрытии с 1 июля в Париже «благотворительных мастерских», в которых в это время было занято свыше 20 тыс. безработных.

Центром собирания сил демократической оппозиции этой антинародной политике Национального собрания и становится с конца 1790 г. клуб Кордельеров, вокруг которого группируется ряд «братских» обществ, возникших как бы на месте распущенных дистриктов (округов) и их постоянных собраний.

Основанная «Социальным кружком» в октябре 1790 г. в цирке Пале-Рояля «Всемирная федерация друзей истины» становится на путь постепенного превращения в одного из «демократических противников Лафайетта»³⁶.

Как сам «Социальный кружок», так и эта организация, созданная им в целях пропаганды идеи всемирной республики, свободной от феодального гнета и осуществляющей идеал всеобщего счастья³⁷, весьма отличались по своему составу от гораздо более демократического клуба Кордельеров. Основатели и члены кружка и большинство членов «Федерации» принадлежали к представителям интеллигенции различных оттенков, вышедшей из буржуазной и дворянской среды. В первый период открытой деятельности кружка здесь заметную роль играют еще деятели, весьма далекие от буржуазного демократизма (например, монархист Гупиль де Префельн, один из видных деятелей тогдашнего Якобинского клуба). На собраниях «Федерации» присутствуют Демулен, Бриссо, М. Ж. Ролан. У нее

³⁵ Мы сохраняем это наименование, принятое современниками и в 1791 г., когда Собрание продолжали называть Национальным, а не Учредительным.

³⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 187.

³⁷ По словам А. Матьеза, «в ней не должно было быть больше ни бедных ни богатых» (A. Mathiez. Op. cit., p. 14).

складываются довольно близкие отношения с Якобинским клубом. Основатель кружка аббат К. Фоше был настроен весьма дружелюбно по отношению к Лафайетту.

Фоше был увлечен наивной мечтой о «согласовании свободы с религией», «примирении Евангелия с революцией» и в связи с этим черпал аргументацию своего социального идеала не только в теории естественных прав, но и в проповеди идеализируемого им раннего христианства. На взглядах членов кружка, а в меньшей мере и ряда членов «Федерации», лежал отпечаток их принадлежности в недавнем прошлом к различным масонским организациям.

Однако путь дальнейшего развития «Социального кружка» и «Федерации друзей истины» определили не эти слабости идеологии и тактики (отказ от революционных методов борьбы), а те прогрессивные политические и социальные идеи и требования, пропагандистом которых становятся их руководители в ходе развития революции, в результате некоторых существенных изменений в облике самих этих организаций.

Первоначальным источником этих идей было учение Руссо о народном суверенитете и развитая им программа уравнительных требований³⁸. Начатая осенью 1790 г. Фоше, талантливым оратором, страстно-красноречивая пропаганда этих идей и требований в длившемся до середины апреля 1791 г. цикле из 24 лекций, посвященных «Общественному договору» Руссо, сразу же привлекла в цирк Пале-Рояля многотысячную аудиторию демократического и плебейского состава³⁹, шокировала друзей Фоше из числа членов «клуба 89 г.» и привела к разрыву отношений между кружком и Якобинским клубом, стоявшим тогда на умеренно-буржуазных позициях.

Содержание этих лекций, в которых систематически разъяснялось учение Руссо о народном суверенитете, о том, что всякая исполнительная власть в государстве (в том числе, следовательно, и королевская) должна представлять собой именно лишь исполнителя воли народа, подчиняясь закону, являющемуся выразителем этой общей воли граждан⁴⁰, равно как и проникнутые этим же духом выступления других членов «Федерации» представляли собой фактически не что иное, как пропаганду республиканских идей, но только в скрытой форме. Не случайно поэтому Фоше, увлекшись, закончил одну из этих лекций в феврале 1791 г. знаменательными словами: «Тираны созрели»⁴¹. То, что он сам, испугавшись шумного резонанса, который вызвала эта речь, поспешил протестовать против ее истолкования «в кровавом духе», т. е. как призыв к революции, к свержению тиранов⁴², ничего уже не меняет в том факте, что трибуна «друзей истины»

³⁸ См. В. С. Алексеев-Попов. История основания «Социального кружка». «Труды Одесского Гос. университета им. И. И. Мечникова». Серия историч. наук, вып. 4, Од., 1954, стр. 133—161; его же. «Социальный кружок» и его политические и социальные требования. «Из истории социально-политических идей». Сб. статей к 75-летию акад. В. П. Волгина. М., 1955, стр. 299—339.

³⁹ Видимо, в начале 1791 г. доступ для нее был прегражден; во всяком случае, летом лица, не являвшиеся членами «Федерации друзей истины», допускались на ее собрания лишь по специальным приглашениям билетам, получать которые они должны были предварительно в бюро кружка, в его «директории».

⁴⁰ А. Олар прав, указывая, что корни республиканизма уходят в философию XVIII в. и лежат в «Декларации прав», «логическим следствием» которой республиканизм является, ибо именно в этом документе были провозглашены как завоевание революции принципы народного суверенитета, а также дано определение сущности закона как выражения общей воли (А. Олар Указ. соч., стр. 144).

⁴¹ «La Bouche de fer», № 16, 12.II 1791.

⁴² Он заявил, что не принадлежит к тираноубийцам: «Когда плоды созрели, то они падают сами, или достаточно потрясти дерево, чтобы они отделились» («La Bouche de fer», № 19, 19.II 1791).

и газета «Социального кружка» (хотя это и не отмечалось в литературе вопроса) весной 1791 г. являлись наиболее активным центром устной и печатной пропаганды антимонархических, республиканских идей, уже тогда, как говорится, носившихся в воздухе⁴³. Покажем это на нескольких примерах. Учение о народном суверенитете требовало уничтожения каких бы то ни было особых прав и привилегий короля как главы исполнительной власти, признания его ответственности. Вот почему с марта 1791 г. внимание членов кружка и «друзей истины» было так усиленно занято мыслью о создании для этой цели особого трибунала. В середине марта газета кружка публикует основные положения посвященного этому вопросу сочинения Рюо, видевшего в королях или тех, кто правит на их месте, причину несчастья народов⁴⁴. Месяц спустя, после очередной лекции Фоше «Об общественном состоянии и народном суверенитете» выступил некто Перро. «Друзья истины» шумными аплодисментами встретили процитированные им строки стихотворения, «приписываемого Вольтеру»: «Если короли становятся тиранами, их надо лишить трона»⁴⁵. Тогда же газета кружка сообщает о плане (совершенно, впрочем, не реальном) подготовки такого рода суда, на подобие «трибунала истории», якобы существовавшего в древнем Китае, где при жизни монарха историки вели записи речей и действий и складывали эти записи в особое хранилище. 11 мая Бонвилль одобряет идею создания трибунала, предназначенного для суда над королями, заявляя, что они не могут стоять выше законов⁴⁶; на одном из собраний «друзей истины» читается посвященное этому вопросу сочинение А. Брие-Серрана. Общий вывод: не надо отчаиваться в возможности осуществления этой идеи; она необходима, так как никогда не будет свободы на земле, если короли смогут избежать подобного страшного суда⁴⁷, если народ будет лишен права потребовать отчета от них⁴⁸.

В докладе Оже «О подчинении закону», прочитанном за десять дней до бегства короля, утверждалось, что король — «первый подданный закона»⁴⁹.

Проблема ответственности и подсудности короля в данных условиях, когда народный Париж все больше и больше волновали подозрения по адресу Людовика XVI и его окружения, отнюдь не являлась отвлеченной, «академической». После событий 20—21 июня 1791 г. французский народ столкнулся с ней практически. Именно ссылаясь на так называемую «неприкосновенность» короля, Национальное собрание, ранее объявив Людовика XVI «похищенным», окончательно освободило его декретом от 15—16 июля от всякой ответственности.

⁴³ Напомним, что в сентябре 1790 г. появился памфлет члена клуба Кордельеров Ля Виконтери «О народе и о королях», в котором он открыто высказывался за республику, а в декабре — книга члена того же клуба Ф. Робера «Республиканизм, приспособленный к условиям Франции», в республиканском духе велась и редактировавшаяся Робером газета «*Mercur National*», в меньшей степени это относится также и к таким демократическим органам, как «*Révolutions de Paris*», «*Le Creuset*» Рутледжа и к некоторым другим.

⁴⁴ «*La Bouche de fer*», № 28, 17.III 1791.

⁴⁵ *Ibid.* № 41, 12 IV 1791.

⁴⁶ *Ibid.* № 53, 11.V 1791.

⁴⁷ Эта идея «последнего суда» над королями, равно как и напечатанное в газете кружка 10 июля 1791 г. письмо с предложением выселить Людовика XVI и его сторонников на один из необитаемых островов получили, естественно, более широкое распространение впоследствии и нашли свое выражение в известном «политфарсе» С. Марешаля «Страшный суд над королями», написанном уже в 1793 г. (см. «Театральное наследство», сб. 1. Л., 1934, стр. 255—276).

⁴⁸ *Ibid.* № 66, 11.VI 1791.

⁴⁹ «*La Bouche de fer*», № 66, 11 VI 1791.

Представление о формах осуществления народного суверенитета уже в 1790—1791 гг. конкретизируется в выступлениях Бонвилля, а также некоторых других «друзей истины» в виде требования «народовластия», т. е. непосредственного утверждения важнейших законов самим народом. Выше упоминалось уже о том, что впервые Бонвилль изложил его на страницах газеты кружка еще в начале октября 1790 г. Это требование начинает все явственнее звучать весной 1791 г., в период назревания политического кризиса, как протест против издания Собранием все новых и новых антидемократических законов, встречающих самое решительное осуждение со стороны демократических клубов и народных обществ Парижа. «Нация только в том случае обладает суверенитетом, если она одна обладает правом создавать закон» заявляет, например, Оже 10 июня⁵⁰. Ему вторит уже известный нам Рюо, заявляя, что суверенитет нации воплощен в народных обществах, где «обсуждают выработанные и подлежащие утверждению законы». Он был прав, утверждая, что зародыш этой великой идеи в скрытом виде находился уже в самом плане организации кружка и его газеты, которая, как мы знаем, разместила в ряде наиболее оживленных мест Парижа особые ящики для корреспонденций, с целью «исследовать общественное мнение»⁵¹ и, добавив, с тем, чтобы путем публикации этих материалов придать вес и силу голосу «угнетенных граждан».

Бонвилль, несомненно, имел известные основания утверждать в это время, что идея «народовластия» (или «народоправства»), первыми борцами за осуществление которой выступили кордельеры, выставив требование ежегодного утверждения законов непосредственно самим народом, все чаще повторяется газетами и поддерживается обществами «действительно братскими», т. е. демократическими⁵². Выказывая сожаление по поводу того, что эта идея была отвергнута парижским Якобинским клубом, он выражал надежду, что ее поддержат начинавшие собираться в тот момент первичные собрания по выбору депутатов в Законодательное собрание.

Активизации и известной радикализации общественно-политической позиции «друзей истины», несомненно, способствовал происшедший в апреле 1791 г. разрыв между Бонвиллем и Фоше, закончившийся чисто внешним «примирением»; получив вскоре должность епископа в департаменте Кальвадос, Фоше покинул Париж и вследствие этого отошел от участия в руководстве кружком. Это разрушило планы ряда буржуазных республиканцев, группировавшихся вокруг М. Ж. Ролан, установивших к этому времени через ее друзей и единомышленников Банкаля и Лантена⁵³ связи с Фоше и надеявшихся, таким образом, подчинить своему влиянию «Федерацию друзей истины» и газету кружка, пользовавшуюся уже известной популярностью среди демократических кругов столицы.

Впервые обративший внимание на эти планы будущих жирондистов М. Ковалевский поставил вопрос: о чем идет речь в переписке М. Ж. Ролан с Банкаль дез Иссаром, «в ее сношениях с социальным клубом, устроенном Клодом Фоше»? Ответ, данный им, нельзя не признать вполне обоснованным. Энергичная деятельность друзей М. Ж. Ролан — Банкаль дез Иссара и Лантена — в Париже и Лионе в конце 1790 г., их стремление организовать «сообщества» «людей наименее просвещенных и наиболее

⁵⁰ «La Bouche de fer», № 66, 11.VI 1791.

⁵¹ Ibid. № 67, 13.VI 1791.

⁵² Ibid., № 67, 13.VI 1791.

⁵³ 15 и 29 апреля 1791 г. Фоше читал у «друзей истины» работу Лантена о пользе народных обществ («La Bouche de fer», № 45, 20.IV 1791; № 50, 5.V 1791); 8 апреля здесь было оглашено предложение Лантена о том, чтобы поручить Банкалю создать в Лондоне организацию, подобную «федерации» («La Bouche de fer», № 42, 14.IV 1791).

заняты», т. е. трудящиеся слои третьего сословия, их связи с «Социальным кружком», по-видимому, действительно имели целью «устройство какой-то национальной и даже международной ассоциации всех свободолюбивых людей, фундамент которой положили бы рабочие клубы, а верхушку составили какие-то независимые и нелицеприятные философы»⁵⁴.

Этими «философами» были буржуазные республиканцы, внутренне глубоко чуждые, а впоследствии, как мы знаем, открыто враждебные революционной демократии, видевшие рост недовольства рабочих, плебейской массы политикой конституционалистов-монархистов⁵⁵ и задумавших использовать это «четвертое сословие» в качестве солдат той армии, которую они намерены были повести сначала в бой против королевской власти и ее защитников в Национальном собрании, чтобы, как выражалась М. Ж. Ролан, «напасть на деспотизм со всех сторон», а затем — против революционной демократии.

Вот эти то планы членов группы М. Ж. Ролан в отношении «Федерации друзей истины» и рушились после ухода оттуда Фоше, являвшегося здесь представителем кружка как руководящего центра этой организации. Вот почему его разрыв с Бонвиллем доставил М. Ж. Ролан «подлинное огорчение»; по ее словам, «слава заседаний» кружка поддерживалась исключительно красноречием и талантом Фоше; «после его ухода я не знаю, что будет с этим обществом»⁵⁶. Однако этот разрыв, последствия которого М. Ж. Ролан считала для кружка «разрушительными», в действительности имел для него в целом, несомненно, положительные последствия. Фоше в это время стремился к союзу с умеренным большинством якобинцев, шедших тогда за Барнавом, А. Ламетом и другими вождями Собрания. Скорее всего именно через Фоше установил связи с «Социальным кружком» Кондорсе⁵⁷, которого он перед началом его доклада в цирке Пале-Рояля «О национальных конвентах» 29 марта 1791 г. горячо приветствовал, заявив, что с огромным удовлетворением видит столь блестящего гражданина и столь глубокого философа, разделяющего взгляды и стремления, наиболее дорогие для «друзей истины»⁵⁸.

В свете этих фактов становится ясно, почему после отъезда Фоше, когда у «друзей истины» получила перевес группа Бонвилля, деятельность этой организации, отнюдь не став революционной, все же сделалась гораздо более смелой, решительной. Если Фоше после своего посвящения в епископы демонстративно принял «лобызание» от поздравлявшего его Лафайетта, то Бонвилль 11 мая 1791 г. потребовал в газете отставки Лафайетта и проведения выборов нового командующего Национальной гвардией Парижа⁵⁹.

Еще в последних числах марта 1791 г. директория «Социального кружка», обсудив политическое положение в стране, поручила Фоше сообщить о сделанных ею выводах общему собранию «друзей истины». Наибольшую опасность для общественного дела руководители кружка видели в отсут-

⁵⁴ М. Ковалевский. Указ. соч., т. III, стр. 159—160.

⁵⁵ 27 апреля 1791 г. М. Ролан сообщает Банкалю в Лондон, где он был занят организацией чего-то вроде филиала «Социального кружка»: «Рост курса серебряной монеты волнует умы; рабочие собираются, чтобы потребовать увеличения сдельной оплаты: момент чрезвычайно грозный» («Lettres autographes de madame Roland...», p. 215—216), 22 июня 1791 г. она пишет ему о предстоящем массовом увольнении рабочих из так называемых «благотворительных мастерских» в связи с их закрытием (Ibid., p. 245).

⁵⁶ «Lettres autographes de madame Roland...», p. 220.

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ «La Bouche de fer», № 39, 6.IV 1791. Доклад этот был опубликован в № 48 и 49 газеты и затем издан типографией кружка в виде брошюры.

⁵⁹ Ibid., № 53, 11.V 1791.

ствии полной свободы граждан, в развращенности, порче их представителей, «толкающих отечество в новый вид рабства». Деятельность муниципалитетов враждебна свободе. Избирательные собрания предоставлены интриганам, занимающимся организацией подкупов, лицемерам, аристократам. Идет постыдная торговля общественными интересами, жалкие людишки, пресмыкавшиеся раньше перед деспотизмом, теперь проявляют наглое высокомерие по отношению к простым людям. Явный монархизм тех, кто образует правительство, и двойная, тройная аристократия так называемых «представителей народного суверенитета» (т. е. депутатов Собрания), которого в действительности не существует, так как это только приманка, при помощи которой обманывают нацию,— таковы причины этого «кризиса, переживаемого отечеством»⁶⁰. Опасность кризиса усугубляется тем, что на границах скопляются вражеские армии, а внутри страны собирает свои силы старая аристократия. Видя все эти беды и опасности, руководители кружка намерены выступить на борьбу с ними. Однако, ослепленные своими просветительскими предрассудками, они возлагают все надежды на разоблачение зла в обращении к Собранию, к нации, к Европе и всему миру; это «воодушевит всех патриотов, устрасит изменников и упрочит свободу Франции...» Чтобы нарисовать в этом обращении как можно более полную в фактическом отношении картину кризиса, директория кружка и приглашала «друзей истины» на свое ближайшее заседание с тем, чтобы бесстрашно высказать там всю правду⁶¹. План этот не был осуществлен, но сам по себе весьма характерен для его авторов. Мы видим, что они обходят молчанием социальные причины развивающегося кризиса, связывая его происхождение исключительно с отсутствием подлинного суверенитета народа, и остро критикуя его нарушителя — Собрание, не видят в нем представителя определенных классовых сил и чужды идее революционной борьбы с ними. Сам «Социальный кружок» является немногочисленной организацией, державшей в тайне имена своих членов. Созданная им «Федерация друзей истины», насчитывавшая до трех тысяч членов, была организацией открытого типа, значительно более тесно связанной с политической жизнью. В еще большей степени это качество было свойственно газете кружка, редактором и главным публицистом которой был Бонвилль. Разделяя многие из заблуждений своих сотоварищей, он опережал их в развитии своих социальных взглядов. Активно участвуя в деятельности клуба Кордельеров, Бонвилль ближе стоял к жизни других демократических народных обществ и секций. После ухода Фоше контакт «друзей истины» с кордельерами становится все более тесным. Это отражало общую тенденцию к сближению между собой народных обществ столицы; 7 мая 1791 г. образовался их Центральный комитет, руководимый республиканцем Ф. Робером.

В это время Собрание бросило новый вызов демократии в лице народных обществ и клубов как ее представителей и защитников, приняв 10 мая 1791 г. декрет о запрещении права коллективных петиций, грубо нарушавший 16 статью «Декларации прав человека и гражданина».

«Социальный кружок» и «Федерация друзей истины» первые наиболее активно протестовали против этого декрета и стали главным центром борьбы против него⁶². «Друзья истины» посвятили обсуждению этого

⁶⁰ «La Bouche de fer», № 34, 26 III 1791.

⁶¹ Ibid., № 34, 26.III 1791.

⁶² Насколько можно судить по материалам, опубликованным А. Матъезом, кордельеры ограничились принятием одного обращения с протестом; оно было опубликовано в газете «Le Creuset» 9 июня 1791 г. (А. Mathiez. Op. cit., p. 28).

декрета четыре собрания между 20 мая и 3 июня, причем их трибуна была открыта для всех желающих. Были приглашены члены всех народных обществ⁶³. Эти многолюдные собрания привлекли к организации новых людей, облик которых виден из следующих двух примеров: «Я, простой гражданин, не занимающий никакой должности, не пользующийся ни кредитом, ни известностью — только моя любовь к истине открыла мне дорогу на эту трибуну», — так характеризовал себя некто Рафрон, требовавший отмены декрета 10 мая как уничтожающего суверенную волю нации. Преисполненный, по его словам, «рвения к общественному спасению», Рафрон благодарил «друзей истины» за то, что они «первые имели смелость апеллировать к общественному мнению по столь важному вопросу, чем дали великий пример столице и Франции!» «Я уже давно мечтал, — заявил он, — в интересах свободы видеть воздвигнутую в Париже трибуну, открытую для всех, с которой самый малый из людей мог бы высказать свое мнение о тех или иных общественных вопросах»⁶⁴.

Вероятно, именно на одно из этих собраний «друзей истины» случайно попал и Пьер Доливье, скромный кюре из Мошана. В своем письме от 3 июля 1791 г. к членам этой организации он, именуя их своими братьями и друзьями, сообщает, что давно уже испытывал неудовлетворенность своим одиночеством. «Случайно я недавно попал на одно из ваших собраний. Я слышал шедшую там дискуссию и вынес твердое убеждение в том, что именно вы те люди, которых я ищу. Друзья истины, я хочу быть принятым в ваше общество и вместе с вами содействовать достижению наибольшего блага отечества. Я не могу принести вам большой талант, но вы этого и не ожидаете от такого сельского жителя, и я верю, что моя деревенская простота встретит с вашей стороны ободряющую снисходительность. Хотя я и живу приблизительно в девяти лье от Парижа, но мне приходится довольно часто брать мою палку и проходить это расстояние. Насколько более интересными были бы для меня эти небольшие путешествия, если бы я мог их использовать, чтобы приобщиться к вашим познаниям и изредка предложить выслушать и мои мысли. Чтобы не терять времени, я прошу вас принять меня уже сейчас и, если это только удобно, предоставить мне слово на четверть часа на собрании в пятницу 17 июня. Я обязуюсь к этому времени выполнить все условия вступления в общество.

Не дожидаясь, пока мое имя будет вписано среди ваших имен, — я уже ваш по сердцу и по духу. Ваш сотоварищ по отысканию истины и по любви к истине, необходимым для общего счастья — Пьер Доливье, кюре из Мошана»⁶⁵.

Этот «уважаемый гражданин», видимо уже известный членам организации⁶⁶, был единогласно принят в «социальное братство друзей истины»⁶⁷, но, к сожалению, следы его выступления у них не обнаруживаются. Тем не менее не известный до сих пор факт вступления Доливье в члены

⁶³ Очевидно, именно это приглашение и было отпечатано в эти дни типографией «Социального кружка» в виде афиши, начинавшейся обращением «Братья и друзья!» (Национальная библиотека, Lb 403298). См. M. Tournoux. Bibliographie de l'histoire de Paris pendant la Révolution française, vol. II, Paris, 1894, № 9779, где эта афиша описана, как «приглашение, адресованное «Социальным кружком» народным обществам, для обсуждения права петиций» (p. 441)

⁶⁴ «La Bouche de fer», № 62, VI 1791

⁶⁵ Ibid., № 67, 13 VI 1791

⁶⁶ Доливье к этому времени уже издал некоторые из своих сочинений, например «Le voeu nationale, ou système politique propre d'organiser la Nation dans toutes ses parties, et à assurer à l'homme l'exercice de ses droits sociaux». Par P. Dolivier, cure de Mauchamp. Paris, 1790

⁶⁷ «La Bouche de fer», № 67, 13.VI 1791.

этой организации имеет немаловажное значение как для изучения его идейной биографии, так и для истории «Социального кружка».

В ходе борьбы против декрета 10 мая усиливался контакт между «друзьями истины» и клубом Кордельеров. С трибуны цирка в Пале-Рояле выступал ряд известных членов этого клуба (Рене Буше де Сен-Совёр, Лебуа, Мандар). Некоторые из произнесенных ими тут речей печатались в газете кружка⁶⁸. Выступали и представители других секций, например Николо из секции Круа-Руж, речь которого также была опубликована⁶⁹. На заседании 21 мая присутствовала делегация кордельеров, сообщившая о том, что секция Французского театра (на территории которого жила значительная часть членов этого клуба) решительно осудила этот декрет⁷⁰. Здесь же присутствовали делегации от так называемых «малых якобинцев» — «Общества неимущих», собиравшегося в здании монастыря якобинцев, и от «Общества друзей законов».

Подробно освещавшиеся на страницах газеты кружка собрания «друзей истины», проходившие под знаком борьбы за народный суверенитет, против антидемократических законов Национального собрания, — получили известный резонанс и в провинции. Об этом свидетельствует, в частности, чрезвычайно важное письмо из Страсбурга от 1 июня, на содержании которого мы остановимся в дальнейшем.

Обсуждение этого вопроса продолжалось до середины июня. Настроение в столице с конца мая было уже очень тревожным. «Железные уста» призывали 26 мая граждан быть начеку, так как якобы «выступление контрреволюции назначено на 13 или 15 июня»⁷¹, в связи с чем было созвано экстренное собрание директории кружка. 13 июня последовало сообщение о том, что члены федерации «друзей истины» должны будут явиться немедленно в директорию «если какие-либо обстоятельства заставят опасаться за судьбу общественного дела».

В связи с этим защита права коллективных петиций перерастала в требование сохранения и расширения политических прав народа, прав его организаций — обществ и клубов, и приобретала значение защиты судьбы нации и революции от угрожавшей им опасности со стороны действительно активизировавшихся в это время сил внутренней и внешней контрреволюции. Это видно, например, из выступления Лебуа, указавшего на то, что цель декрета 10 мая — разъединить граждан, а это — самое страшное в минуту, когда враг собирает свои силы на границах⁷².

Тон выступлений ораторов становился все более решительным. 10 июня Рюо прямо говорит о надеждах, обманутых Национальным собранием, которое вместо того, чтобы вести народ к свободе — совершает попятное движение и «с огромной силой толкает его назад, к временам тирании»⁷³. Принятая в этот день резолюция гласила: «Федеративная Ассамблея друзей истины, обсудив в течение четырех заседаний декрет 10 мая 1791 г. о праве петиций, признала и провозгласила единогласно, что он противоречит Декларации прав человека и гражданина и ущемляет суверенитет народа»⁷⁴. Было решено сообщить об этом решении секциям Парижа, 83 департаментам и народным обществам столицы.

⁶⁸ Речь Лебуа см. «La Bouche de fer», № 64, 4. VI 1791.

⁶⁹ «La Bouche de fer», № 65, VI 1791.

⁷⁰ Ibid., № 55, 20.V 1791.

⁷¹ Ibid., № 58, 28.V 1791.

⁷² Ibid., № 64, 4.VI 1791.

⁷³ Ibid., № 67, 13.VI 1791.

⁷⁴ Ibid.

Одна из секций (св. Женевьевы) незадолго до этого взяла на себя инициативу организации встреч делегатов секций для составления петиции Собранию с протестом против ряда его антидемократических законов. План этот встретил сначала поддержку, по-видимому, только со стороны одной секции (Французского театра). «Но другое предприятие секции св. Женевьевы оказалось более удачным,— пишет А. Олар.— Она послала во все народные клубы текст речи одного из своих членов, некоего Лорине, по вопросу о всеобщем избирательном праве, и Центральный комитет (здесь мы снова встречаемся с влиянием супругов Робер и республиканской партии), собравшись 15 июня, вотировал следующую петицию»⁷⁵,— и далее А. Олар приводит текст известной петиции, содержавшей протест против имущественного ценза, подписанной 13 демократическими обществами и клубами столицы.

Однако в этом изложении А. Олар, всецело поглощенный выяснением роли буржуазной «республиканской партии» и, в частности, значения влияния «супругов Робер», обходит молчанием вопрос о том, какова же была аргументация Лорине против имущественного ценза, как отнеслись к этой речи те или иные клубы и общества, чем отличается от нее принятая петиция и в чем же именно проявилось тут это «влияние Робера» (что касается его супруги, то здесь она была уже совершенно не при чем). Не заинтересовали эти вопросы, насколько мы можем судить, и других историков революции. Между тем тот ответ, который мы частично находим на страницах газеты «Социального кружка», бросает свет на некоторые, весьма существенные обстоятельства.

Особое значение речи Лорине состоит в том, что она, если мы не ошибаемся, является первой и чуть ли не единственной попыткой образованного представителя «четвертого сословия» обобщить настроения протеста пролетаризованных масс против их политического бесправия⁷⁶. Напомним, что петиция 13 февраля 1790 г. рабочих Сент-Антуанского предместья, написанная явно кем-то от их имени и одобренная ими, представляла собой смиренную просьбу о введении всеобщего избирательного права; при этом ее автор утверждал, что «контраст богатства и бедности делает их полезными друг для друга»⁷⁷. Издававшаяся кем-то из демократов «Газета Сент-Антуанского предместья» в начале 1791 г. призывала укреплять мир и согласие внутри третьего сословия⁷⁸. Но весна этого года прошла, как мы знаем, под знаком невиданного ранее подъема массового рабочего движения; возникают стачки плотников, столяров, кузнецов, слесарей, каменщиков, кровельщиков, типографских рабочих, охватившие до 80 тыс. человек⁷⁹. В связи с этим образуются первые профессиональные рабочие объединения нового типа (например, Братский союз плотников). Крупная буржуазия, пользуясь своими политическими привилегиями, быстро подавила это движение, поставив его «вне закона». Вот почему к весне 1791 г., благодаря опыту, накопленному в экономической борьбе, в деятельности народных обществ и секций, у некоторых более развитых людей из рабочего класса или же у тех выходцев из среды радикально-демократической трудовой интеллигенции, которые переходят

⁷⁵ А. Олар. Указ. соч., стр. 131.

⁷⁶ А газета «Социальный кружок» была если не единственной, то во всяком случае одной из очень немногих, которая опубликовала полностью эту речь, сообщив 17 июня 1791 г. о восторженном отклике на нее кордельера Т. Мандара.

⁷⁷ Е. В. Тарле. Рабочий класс Франции в эпоху революции. Исторические очерки, ч. 1. СПб., 1909, стр. 206.

⁷⁸ Там же, стр. 231.

⁷⁹ Там же, стр. 151—152.

на его позиции, растет сознание необходимости для рабочих политических прав как средства защиты их социальных интересов. Это сознание питается настроениями самих масс, которые в это время все активнее проявляют разочарование в итогах революции, так как видят себя по-прежнему жертвой ничем не ограниченной эксплуатации. А ведь до этого рабочие, как писали плотники в своей петиции Собранию 27 мая 1719 г., думали, что оно, провозглашая Декларацию прав, «имело в виду, чтобы эта Декларация принесла какую-нибудь пользу наиболее нуждающемуся классу, который так долго был жертвой деспотизма предпринимателей»⁸⁰. «Скоро мы перестанем позволять буржуазии усыплять нас, как это было до сих пор», — говорили уже некоторые из рабочих⁸¹. «Мы находимся в отчаянном положении и так сильно обманулись в своих надеждах. Ведь мы рассчитывали воспользоваться преимуществами нового порядка вещей и получить возможность улучшить свою долю», — писали 8 июня 1791 г. рабочие строители Марату, обращаясь к нему за помощью⁸².

Вот почему Лорине уже не просит, а требует, вот почему он не возлагает больше надежд на Собрание, а призывает революционные секции использовать подходящий момент (созыв первичных собраний для избрания новых депутатов), «чтобы вновь провозгласить права человека».

Е. В. Тарле, которому мы обязаны первыми исследованиями по истории рабочего класса Франции в эпоху революции⁸³, считал, что в первый ее период мы не можем констатировать среди рабочих «и тени какой бы то ни было принципиальной вражды к идее частной собственности»⁸⁴. Утверждение это, как нам представляется, нуждается в известных поправках и оговорках. Во-первых, следует различать умонастроение масс рабочих, которая действительно еще была далека от подобной вражды, и взгляды отдельных передовых представителей этого класса или тех выходцев из иной социальной среды, которые в той или иной мере отражали настроения и требования этого класса. Во-вторых, эта вражда к частной собственности не возникает подобно готовому выводу: она требует предварительной догадки о том, что именно существование частной собственности является источником бедствий неимущих. Рабочая масса и ее представители и идеологи должны были из опыта революции извлечь этот вывод, в отвлеченном виде сформулированный намного раньше авторами «прямокоммунистических» теорий — Морелли и Мабли. Но оказывается, что необходим при этом еще один предварительный этап. Если, по словам Е. В. Тарле, идеал рабочего в начальный период революции заключался в том, чтобы «стать самому хозяином мастерской»⁸⁵, т. е. в его психологии преобладали частнособственнические представления и стремления, что вело его к идейному подчинению буржуазному мировоззрению, признающему человека лишь в собственнике, то передовые представители рабочего класса — а до них его идеологи — должны были выступить против такого рода взглядов. В данную эпоху они могли сделать это, как отмечал Ф. Энгельс, лишь опираясь на теории, выработанные идеологами буржуазии, когда она, собирая массы на борьбу против феодализма, выдвинула против сословного неравенства теорию естественных прав⁸⁶.

⁸⁰ Ж. Жорес. История великой французской революции, т. I. ГИЗ, 1920, стр. 493.

⁸¹ «L'Ami du peuple», 25.III 1791.

⁸² Жан Поль Марат. Избр. произв., т. 2, М., 1956, стр. 269.

⁸³ См. о них статью С. Б. Кана в журн. «Вопросы истории», 1956, № 1, стр. 133—134.

⁸⁴ Е. В. Тарле. Указ. соч., стр. 238.

⁸⁵ Там же, стр. 239.

⁸⁶ См. Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1953, стр. 100.

Именно к этому начальному этапу идейно-политической борьбы «четвертого сословия» против крупной буржуазии, ставшей весной 1791 г. консервативной и готовой превратиться в контрреволюционную силу, и относится распространение в начале июня 1791 г. революционной секцией св. Женевьевы текста речи Лорине⁸⁷.

Причину всех бедствий автор этой речи видит в том, что Национальное собрание следует ложному принципу, согласно которому «государство составляют только собственники». Этот «кровожадный» принцип ввели «аристократы», т. е. представители старых феодальных светских и духовных собственников, но его подхватили и новые богачи — буржуа, составившие себе состояние во время революции, все те «крупные спекулянты и живоглоты (*grands accapareurs et grands mangeurs*), которые захватили у нас наше небольшое наследие (*petit héritage*). Между тем — это ложный принцип, поскольку в действительности «собственность не является свойством (*attribut*) человека, так как она находится вне его. Это только преимущество, которым должны были бы пользоваться все люди». «Мы не родились ни бедными, ни богатыми... Мы увидели свет в недрах общества и государства; мы родились гражданами и все равны в правах, потребностях и обязанностях». «Ибо, если я родился без собственности,—говорит Лорине,— и не вношу свой взнос непосредственно в государственную казну (т. е. не плачу прямого налога, отвечающего имущественному цензу.— *В. А.-П.*), то я отдаю каждый день обществу мою кровь и пот. А значит государство неполно без меня, я — один из тех, кто образует народ-суверен и, следовательно, и моя воля должна быть отражена в законе». Чрезвычайно важна следующая часть рассуждений Лорине, бросающая свет на дальнейшее развитие социальной критики. «Создание природы, я родился, чтобы обрабатывать землю и кормиться ее плодами. Но если государство уже распорядилось всеми своими землями, оно должно по крайней мере компенсировать меня, оказывая мне помощь, следовательно, я родился кредитором государства». Это — общее рассуждение. Но дальше в нем отражается начатая буржуазной революцией ломка феодальных отношений собственности. Право собственности, говорит Лорине, напоминает о захвате, разбое и о злоупотреблениях, вызванных появлением бумажных денежных знаков (т. е. ассигнатов), «представляющих участки земли, которые бог и природа предназначали для всех смертных». Иначе говоря — конфискованные у церкви земли должны не продаваться за «ассигнаты», а быть переданы безвозмездно всем нуждающимся в них беднякам. Мы увидим, что и Бонвилль задумывается над этой проблемой, но дает ей иное разрешение, удовлетворяющее специфические требования окончательно оторванных от земли предпролетарских масс, страдавших от безработицы.

Обращаясь к «своим братьям», ко всем тем, кто «не имеет ни золота, ни серебра, а только свои руки и свои вечные права», к тем, кто «совершил революцию», Лорине заявляет, что они теперь должны сами добывать свободы «для себя, своих детей и потомков, ибо это им предназначено отдавать ее первых плодов и пользоваться во всей их полноте правами человека и гражданина». «Кому же мы уступим Декларацию прав, если мы, создавшие ее, не пользуемся ею? В августе 1789 г. мы все провозгласили себя людьми и гражданами. Будь я белый или черный, богатый или

⁸⁷ О личности Лорине нам, к сожалению, известно лишь, что он играл видную роль в обществе секции св. Женевьевы и что его подпись стоит под так называемой «Петицией 100», составленной 14 июля 1791 г. членами клуба Кордельеров и различных народных обществ (см. *A. Mathiez. Op. cit.*, p. 115).

бедный, «активный» или бесправный,—все равно я человек, гражданин. Общее право вошло в обычай — это краткий свод моральных истин, это вечный оракул справедливости, оно всегда будет нашим высшим законом: *Jus omnium suprema lex*»⁸⁸.

Эта речь встретила единодушное одобрение делегатов народных обществ и демократических клубов, собравшихся 14 июня. ЦК этих обществ постановил обратиться к Национальному собранию с петицией протеста против декрета о марке серебра. Принятый текст, однако, не носил ни малейших следов той острой социальной аргументации, которую развил в своей речи Лорине, следов пронизывавшего ее духа энергичного социального, классового протеста против политического бесправия рабочих⁸⁹. Вот в этом-то коренном отличии двух документов и сказалось, несомненно, прославляемое Оларом буржуазное влияние Ф. Робера как руководителя ЦК народных обществ. Имеются данные о том, что к составлению этой петиции был привлечен Бонвилль⁹⁰; в таком случае именно ему принадлежала формулировка требования о назначении дня для «всеобщего утверждения (*sanction universelle*) законов безусловно всеми гражданами», отсутствующая в речи Лорине. Это требование было развито более подробно, причем именно в тех выражениях, в каких Бонвилль после 21 июня описывал республиканский режим «народовластия» в тексте петиции, представленной 20 июня секциями Французского театра и Гобеленов, одним из авторов которой являлся Бонвилль⁹¹. «Подготовьте священные дни утверждения законов безусловно всеми гражданами. Завершите лучшее дело, какое когда-либо было совершено. Нет нации, нет конституции, нет свободы, если среди рождающихся свободными и равными хоть один человек принужден повиноваться законам, в создании которых он не имел права участвовать», — читаем мы в этой петиции⁹².

Примерно в это же время клуб Кордельеров постановил требовать, чтобы в будущем все законы представлялись на утверждение народа⁹³.

Так в середине 1791 г. оформился тот своеобразный демократический и уже явно республиканский политический идеал «народоправства», который через несколько дней стал открыто пропагандироваться со страниц газеты «Социального кружка», с трибуны «друзей истины» и более глухо — в петициях кордельеров.

Мы видим, что эта борьба за политическую демократию, перераставшая в республиканское движение, приобретала все более отчетливо выраженный социальный характер. Это со страхом наблюдала буржуазия. «Пришло время объединиться благонамеренным людям всех партий, — писал, например, по поводу петиции 14 июня «Друг патриотов», — так как дело идет не только о свободе, но и о собственности, о существовании»⁹⁴.

В то же время весьма показательно, что представители народных обществ, выражая этим настроения широких масс «пассивных» граждан,

⁸⁸ «La Bouche de fer», № 68, 17.VI 1791.

⁸⁹ См. А. Олар. Указ. соч., стр. 132.

⁹⁰ «La Bouche de fer», № 68, 17.VI 1791.

⁹¹ См. А. Олар. Указ. соч., стр. 133.

⁹² Там же, стр. 135. Первая из этих петиций не была даже прочитана в Национальном собрании (см. «La Bouche de fer», № 68, 17.VI 1791) и распространялась в виде афиш; вторая — прочитана и демонстративно отвергнута им 20 июня (см. Archives parlementaires, I série, t. XXVII, p. 339).

⁹³ См. А. Олар. Указ. соч., стр. 131.

⁹⁴ «L'Ami des patriotes», 18. VI 1791

полностью одобрили текст речи Лорине, в которой столь явственно прозвучала начинавшая обнаруживаться социальная направленность демократического движения. Опубликование полного текста этой речи именно в газете «Социального кружка» отнюдь не было случайностью. Она была по своему близка социальным взглядам ее редактора Бонвилля, писавшего за месяц до этого, 11 мая 1791 г., что установление имущественного ценза — это оскорбление, наносимое угнетенному, которого лишают гражданских прав потому, что у него уже «похитили собственность»⁹⁵.

И когда мы читаем в газете кружка некоторое время спустя помещенный Бонвиллем как бы «невзначай» отрывок из стихотворения Ж. Б. Руссо о «золотом веке» человечества, когда люди «богатые, но без имущества, бедные — но не знавшие нищеты», жили все «одинаково счастливо», так как вся земля «была их общим наследством», и каждый из них «был и судьей и королем»⁹⁶, — то мы вправе рассматривать этот факт как косвенное доказательство того, что Бонвилль, решительно осуждая, подобно Лорине, захват богачами общего «наследства», видел в этом далеком и счастливым прошлом прообраз своего социального идеала. Бонвилль хорошо знал произведение Мабли, цитаты из которых встречаются в качестве эпиграфов в «La Bouche de fer»; вот почему мы, читая эти строки стихотворения Ж. Б. Руссо, невольно вспоминаем признание Мабли, вложенное им в уста лорда Стенхопа, — признание в том, что при чтении описания какого-нибудь пустынного острова у него является желание отправиться туда и «основать там республику, где все богаты, все бедны, все равны, все свободны, все братья и где первым законом было бы запрещение владеть собственностью»⁹⁷.

Однако развитие социальных идей, и в частности коммунистической идеи, в годы революции отнюдь не представляет собой простого повторения взглядов дореволюционных мыслителей. Именно это и имел в виду Маркс, подчеркивая, что в этих условиях ее породило революционное движение, прошедшее сравнительно длительный период своего развития в 1789—1796 гг.⁹⁸

Чтобы смутные социальные идеалы Бонвилля, которым, по-видимому, уже накануне кризиса лета 1791 г. были присущи известные утопически-социалистические тенденции, приобрели известную определенность, — ему необходимо было столкнуться лицом к лицу с людьми, о которых говорил Лорине⁹⁹, с теми, кто не имел ни золота, ни серебра, кто жил продажей своих рабочих рук. Такого рода встреча и произошла в тот момент, когда 10 мая 1791 г. на трибуну «друзей истины» впервые поднялся человек, которого газета кружка называет рабочим, некто Гуар (Guard), с докладом о колоссальных злоупотреблениях в парижских так называемых мастерских «дома призрения» (*dites de Charité*), о благоустройстве столицы как обильном и легком источнике общественных работ и о плане организации такого рода работ по всей стране. Доклад этот был встречен «заслуженными аплодисментами», его предложили передать в бюро

⁹⁵ «La Bouche de fer», № 53, 11 V 1791

⁹⁶ Ibid., № 56, 23 V 1791 (в оригинале — ошибочно — 11 V) Необходимо иметь в виду, что нумерация и датировка отдельных номеров газеты «La Bouche de fer» часто бывают ошибочными (несколько раз повторяется один и тот же номер и дата). В связи с этим в отдельных случаях нами были внесены необходимые исправления

⁹⁷ Г Мабли Избранные произведения М., 1950 стр 313

⁹⁸ См К Маркс и Ф Энгельс Соч, т 2, стр 132

⁹⁹ И из среды которых он, видимо, вышел сам, судя по приведенным выше его словам

кружка для опубликования, но выяснилось, что автор уже отдал его в печать. Но в то же время Гуара не раз прерывали «грубыми остротами», вызванными неправильными оборотами его простонародной речи. В этом нет ничего удивительного. Состав «Федерации друзей истины» был, несомненно, далеко не однороден, причем, вероятно, не столько даже в социальном отношении, сколько в смысле различий в общественно-политической позиции отдельных групп ее членов. Насмехались над Гуаром, очевидно, те из них, кто в этом же (или в следующем) заседании аплодировал сообщению о том, что буржуазная Национальная гвардия Орлеана подавила рабочие «беспорядки» в этом городе¹⁰⁰. Правда, в этих событиях видели тогда руку роялистской контрреволюции, но это не меняет существа дела. Радоваться этому сообщению и оскорблять своими «остротами» Гуара мог только тот, кто был далек от понимания бедственного положения десятков тысяч рабочих, в ком не было к ним ни симпатии, ни сочувствия. Против этих в сущности чисто буржуазных взглядов определенной части членов «Федерации» и выступил на страницах газеты кружка Бонвилль. Смело взяв Гуара под свою защиту, он призывал: «Откройте доступ на трибуну народу, рабочему, который ничего не пишет, нигде не бывает... этим вы многое сделаете для истины»¹⁰¹.

Этот призыв Бонвилля, видимо, нашел определенный отклик, так как несомненно в связи с ним находится внесенное и осуществленное в середине мая 1791 г. предложение о создании при «Социальном кружке» новой организации под названием «Point central des arts et métiers», которая смогла бы явиться, по его словам, для «Федерации друзей истины» «новым источником знаний и помощи» (*de lumière et de secours*)¹⁰². Автором этого предложения был некто Уар (Houard), который по словам газеты кружка мог «похвалиться своим патриотизмом, но не ораторским искусством»¹⁰³. Новая организация, в состав которой входили «artistes-patriotes», включала в себя как представителей мелкобуржуазной «технической интеллигенции» столицы (инженеры, изобретатели), так, вероятно, и представителей «искусных ремесленников» и квалифицированных грамотных рабочих, мастеровых людей вроде Гуара. Именно эта цель — быть центральным, связующим пунктом встреч, общения представителей лиц различных технических специальностей и ремесел — и была выражена в самом названии новой организации. Бюро ее собиралось в помещении бюро «Социального кружка» и поддерживало с ним тесную связь. Выступление «Центрального пункта ремесел» в конце июня совместно с представителями народных обществ в защиту интересов оставшихся без работы и без куска хлеба 22 тыс. рабочих так называемых «благотворительных мастерских» говорит о прогрессивной, демократической направленности его деятельности (кстати, еще совершенно не изученной). Но, судя по некоторым особенностям аргументации в пользу составленного

¹⁰⁰ В прочитанных здесь анжерских «афишах» (изданных, вероятно, местными властями) сообщалось, что каменщики и плотники Орлеана пытались «силой заставить удвоить их оплату», взволнованные слухами о том, будто в Париже их товарищи получают по 3 ливра в день. Об этом им оттуда якобы сообщили в письме, где говорилось: «Поднимайтесь и идите в Париж» («La Bouche de fer», № 54, 15 или 16.V 1791.— В оригинале ошибочно — 11.V).

¹⁰¹ «La Bouche de fer», № 53, 16.V 1791 (в оригинале ошибочно — 11.V; этим числом почему-то датированы пять номеров газеты, с № 53 по № 57).

¹⁰² Ibid., № 54, 15 или 16.V 1791.

¹⁰³ Сходство фамилий этих лиц, равно как и совпадение сообщаемых о них данных невольно вызывает мысль, что речь идет об одном и том же лице, однако у нас нет достаточных оснований, чтобы утверждать это. 3 июля 1791 г. газета кружка сообщала об энергичном выступлении Уара в пользу республики на собрании Федерации.

здесь плана общественных работ, преобладало здесь, несомненно, чисто буржуазное влияние.

Приведенные выше факты говорят о том, что под влиянием усилившейся в первой половине 1791 г. политической и социальной борьбы внутри антироялистского лагеря «Социальный кружок» и созданная им «Федерация друзей истины» занимают в движении за буржуазно-демократические свободы, направленном против антидемократического законодательства Национального собрания, гораздо более передовые, активные позиции, чем в начале своей деятельности. Так как большинство Собрания в целях защиты эгоистических экономических и политических интересов определенных групп крупной буржуазии и либерального дворянства всячески стремилось сохранить монархию, лишь ограничив ее рамками цензовой конституции, то демократическая оппозиция, одним из центров которой становится «Социальный кружок», выступая против этого курса, опираясь на учение Руссо о народном суверенитете, приходит фактически к республиканским выводам. В области социальных требований — от выдвинутых Фоме в начале 1791 г. в весьма отвлеченной форме пожеланий гарантии «жизни в достатке» для всех граждан, левое — и притом, несомненно, весьма незначительное — меньшинство «друзей истины» переходит к поддержке конкретных требований рабочих (доклад Гуара об реорганизации и расширении общественных работ в Париже). Сделанное в связи с этим заявление Бонвилля о необходимости шире предоставлять трибуну народных собществ рабочим, основание при кружке «Центрального пункта ремесел» говорит о возникновении весной 1791 г. у этой группы представителей демократической интеллигенции ее первых связей с рабочими. Наличие этой связи и объясняет нам, почему после решения Собрания от 16 июня о закрытии «благотворительных мастерских», т. е. общественных работ в Париже, — руководители занятых там 25 тыс. рабочих обратились за советом и помощью именно к газете «Социального кружка».

Для понимания последующего развития социальных взглядов Бонвилля необходимо учесть, что еще до кризиса лета 1791 г. им была присуща известная утопически-социалистическая тенденция. Это проявилось в особом внимании к речи рабочего Лорине, проникнутой отрицанием буржуазного понимания частной собственности и провозглашавшей равенство всех людей в правах, потребностях и обязанностях, в опубликовании отрывка из стихотворения Ж. Б. Руссо, воспевавшего «золотой век» человечества в выражениях чрезвычайно близких к тем, в которых Мабли изображал идеальную республику, первым законом которой является запрещение владеть собственностью.

Пусть признаки такого рода утопической тенденции разрозненны, но они говорят об определенной направленности социального мышления Бонвилля, о смутно вырисовывающихся особенностях его социального идеала, выходящего за пределы буржуазного понимания равенства. Известную конкретизацию, хотя еще очень далекую от сколько-нибудь четкой концепции, свое политическое выражение этот идеал и получит в дни кризиса лета 1791 г.

* * *

«Взрыв, который я предчувствовал, разразился скорее, чем я предполагал», — сообщал русский посол И. М. Симолин из Парижа 23 июня 1791 г.¹⁰⁴ Сила этого взрыва была поистине огромна. Весть о бегстве короля

¹⁰⁴ «Французская революция 1789 г в донесениях русского посла в Париже И. М. Симолина» «Литературное наследство», т 29—30 М, 1937, стр. 462.

всколыхнула всю Францию, вновь пробудила революционную энергию городских плебейских масс — этой наиболее активной части нации. Как мы уже видели, они категорически отвергли возможность возвращения на трон Людовика XVI как изменника и клятвопреступника. Но эти массы, однако, еще были далеки от единодушного требования республики. Укрепиться и развиться этому требованию в данный момент не давали, с одной стороны, силы традиции, своего рода инерция, с другой — решимость буржуазно-либерального большинства Собрания (не говоря уже о 290 депутатах-роялистах) во что бы то ни стало сохранить монархию, «покрыв»¹⁰⁵, реабилитировав короля. Вот почему уже вечером 21 июня в речи А. Ламета промелькнуло слово «похищение»¹⁰⁶. Эта живая версия была подробно развита в принятом Собранием на следующий день обращении к народу: «С конституцией покончено, грозы революции только что прекратились и враги отечества захотели одним ударом отомстить всей нации. В ночь с 20 на 21 июня король и его семья были похищены»¹⁰⁷. Тщетно пытались Редерер в Собрании, а Робеспьер и Дантон в Якобинском клубе опровергнуть эту явную ложь. Буржуазно-либеральные вожди Собрания, они же и руководители тогдашних якобинцев, и слышать не хотели о свержении монархии. Как писала М. Ж. Ролан, с ними делались судороги при одном упоминании о республике¹⁰⁸.

Эта ненависть крупной конституционно-монархической буржуазии к республике имела глубокие социальные причины. В. И. Ленин писал, что «...буржуазии выгодно опираться на некоторые остатки старины против пролетариата, например, на монархию...», ей выгодно, чтобы буржуазно-демократические преобразования происходили медленнее, постепеннее, чтобы они «...как можно меньше развивали революционной самостоятельности, инициативы и энергии простонародья, т. е. крестьянства и особенно рабочих, ибо иначе рабочим тем легче будет, как говорят французы, «переложить ружье с одного плеча на другое», т. е. направить против самой буржуазии то оружие, которым снабдит их буржуазная революция, ту свободу, которую она даст...»¹⁰⁹. В нашей литературе справедливо отмечалось¹¹⁰, что хотя эта мысль В. И. Ленина относится к гораздо более поздней эпохе, но в определенной степени это объяснение враждебности буржуазии требованию республики сохраняет свою силу и применительно к историческим условиям конца XVIII в. Особенности этих условий требуют следующих ограничений. Во-первых, к идее республики в это время враждебно относилась лишь определенная часть богатой буржуазии, чьи специфические источники доходов (откупные операции, займы государству, ростовщические операции, эксплуатация колоний) не находились в непримиримом противоречии со «старым порядком» и поэтому делали для нее возможным компромисс со старым господствующим классом в виде превращения абсолютной монархии в ограниченную, конституционную при сохранении экономической основы феодального строя. Во-вторых, тогдашний уровень развития капиталистической промышленности и обусловленная им низкая степень концентрации, организованности и сознательности

¹⁰⁵ Это меткое словцо брошено американским представителем Г. Моррисом в его дневнике, где он писал 2 июля: «Собрание намерено покрыть бегство короля и заставить забыть о нем» (см. «Journal de G. Morris...» Paris, 1901, p. 244).

¹⁰⁶ Archives parlementaires, I Série t. XXVII, p. 393.

¹⁰⁷ Ibid., p. 420.

¹⁰⁸ «Lettres autographes de madame Roland...», p. 268.

¹⁰⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 34—35.

¹¹⁰ См. «Французская буржуазная революция 1789—1794», стр. 117.

предпролетариата делали для него невозможным «переложить ружье с одного плеча на другое», иными словами в 1791 г. не могло еще возникнуть непосредственной опасности использования рабочими буржуазно-демократических свобод для подготовки нападения на буржуазную собственность.

Но мы совершили бы грубейшую ошибку, если бы допустили в связи с этим недооценку отмеченных выше фактов, свидетельствующих о значительном обострении противоречий между буржуазией и рабочими весной 1791 г. Именно острота этих противоречий и заставила буржуазию 14 июня 1791 г., т. е. за неделю до бегства короля, пойти на «буржуазный государственный переворот», как называл Маркс закон Ле Шапелье, отнявший у рабочих только что завоеванное ими право ассоциации¹¹¹.

Если защита своих классовых интересов потребовала применения методов «государственного переворота», т. е. отказа от свобод и гарантий, провозглашенных Декларацией прав, то переход к республике в обстановке нового подъема политической активности широчайших народных масс страшил крупную буржуазию возможностью демократизации политического строя и политической жизни страны. Крушение же антидемократического законодательства Учредительного собрания, т. е. введение всеобщего избирательного права, восстановление права коллективных петиций, прав народных обществ, клубов и секций, развивая революционную самостоятельность, энергию и инициативу предпролетарских масс, открывало им путь к борьбе за свои социальные требования, что уже угрожало если не самому существованию буржуазной собственности, то сохранению ее в «неприкосновенности», т. е. угрожало свободе неограниченной эксплуатации и т. д. Скорей всего именно это и имел в виду Барнав, когда он в своей известной речи в Собрании 15 июля 1791 г., уstraшенный продолжением «беспорядков и волнений», т. е. новым подъемом активности народных масс, призывал немедленно закончить революцию, так как ее продолжение приведет в отношении свободы — к уничтожению королевской власти, а в отношении равенства — к «покушению на собственность»¹¹².

До этого момента господство крупной буржуазии было прикрыто с фасада авторитетом тысячелетней монархии, ограниченной, но не уничтоженной конституцией 1791 г. Авторитет этот в свою очередь поддерживался цепким влиянием католической церкви, силой многовековой традиции. Таким образом, королевская власть была своего рода предмостным укреплением, прикрывавшим основные социальные позиции крупной буржуазии. Поэтому, объявляя в принципе республиканскую идею безумием, конституционно-монархическая буржуазия больше всего страшилась ее демократического толкования, открывавшего путь к развитию социального направления в республиканском движении, угрожавшего вырвать из рук крупных буржуазных собственников монопольное право использования результатов революции и направить их на удовлетворение специфических нужд и требований плебейских, предпролетарских масс.

Для того, чтобы были яснее последующий ход анализа фактов и вытекающие из него оценки и выводы, нам придется коротко остановиться на различиях в характере отдельных течений в республиканском движении лета 1791 г., поскольку наша литература вопроса, к сожалению, имеет тенденцию рассматривать его в виде «единого потока» и уж во всяком случае

¹¹¹ К. Маркс. Капитал, т. 1. М., 1949, стр. 745.

¹¹² Archives parlementaires, I série, t. XXVIII, p. 330.

без сколько-нибудь последовательно и полно проведенного дифференцирования этих течений.

Оставим в стороне представителей титулованного либерального дворянства, вроде Ларошфуко и одного из «кумиров 1789 г.»— Лафайетта, ставших «республиканцами» из сугубо тактических соображений момента. Как нам представляется, в республиканском движении лета 1791 г. успели относительно четко определиться следующие течения: буржуазное и буржуазно-демократическое с крайне левым, социальным крылом. В свою очередь буржуазные республиканцы не представляли собой единого целого, особенно в организационном отношении. На их правом фланге и притом несколько особняком стоял Кондорсе, лавировавший еще в это время между лафайеттистами из «Клуба 1789 г.» и тогдашними руководителями буржуазной демократии. Внезапно усилившееся увлечение Кондорсе республиканской идеей, активность его выступлений, для которых он использовал, в частности, и трибуну «друзей истины» в цирке Пале-Рояля¹¹³, объясняется характерным для всех представителей этого течения — будущих лидеров жирондистов, объединившим их впоследствии безразличным, высокомерным отношением к народным массам, неверием в творческие созидательные возможности народа, в целесообразность революционного инстинкта масс, властно потребовавшего вскоре революционных, «плебейских» методов борьбы с врагами. В начале революции Кондорсе выступал против всеобщего избирательного права и за многостепенные выборы в представительные органы¹¹⁴. Этому бывшему маркизу глубоко антипатичны были плебейские массы, по его словам непостоянные, легкомысленные, увлекающиеся: доверить им управление государством значило бы подвергнуть общественную свободу наиболее серьезной опасности¹¹⁵. Близко стоявший уже в 1791 г. к Кондорсе Бюзо доходил до того, что именовал народные массы, стоявшие за республику, не иначе, как «*canaille*», т. е. сброд, чернь¹¹⁶.

Кондорсе именно потому столь энергично выступал за установление республики летом 1791 г., что он страшился ее установления «путем революции, путем народного восстания»¹¹⁷ и считал, что бегство короля создало благоприятные условия для провозглашения ее «всемогущим Собранием». Об этом же писал еще в конце 1790 г. Бриссо, выступавший за такой

¹¹³ Известно его выступление здесь 8 июля 1791 г. с докладом «О республике, или необходим ли король для сохранения свободы», опубликованным затем в газете кружка, изданным отдельно его типографией и получившим широкий резонанс (см. А. О л а р, Указ. соч., стр. 175—177). Но не отмечался тот факт, что на этот доклад Кондорсе ополчился в своем выступлении в Собрании 15 июля монархист Гупиль де Префельн, ранее игравший видную роль у «друзей истины», не раз председателевавший на их собраниях (см. Archives parlementaires, т. XXVIII, р. 317—318; тут же, в приложениях на стр. 336—338 помещен и текст доклада Кондорсе). Формально позицию Кондорсе сблизало с взглядами «друзей истины» то, что он, считая массы не способными к политической самостоятельности, признавал в то же время за ними право утверждения путем референдума основных законов, представляющих, по его мнению, простое развитие принципов так называемого «естественного права» и потому доступных пониманию масс. Требование же референдума (но в гораздо более широком его толковании) занимало крайне важное место в программе требований «друзей истины», и в частности, наиболее радикально настроенной их части, возглавлявшейся Бонвиллем.

¹¹⁴ См. Condorcet. Oeuvres. Paris, 1884, t. VIII, р. 177; t. IX, р. 12.

¹¹⁵ L. Cahen. Condorcet et la révolution française. Paris, 1904, р. 33.

¹¹⁶ «Mémoires de Buzot». Paris, 1866, р. 34.

¹¹⁷ Вот полностью его слова, записанные одним из мемуаристов: «Если республика будет установлена при помощи революции, если народ восстанет против королевского двора, то последствия будут ужасны, но если республика будет создана сейчас, когда Собрание обладает всей полнотой власти, то переход будет не труден» (E. D u p o n t. Souvenirs..., р. 325).

путь установления республики, при котором «тот, кто будет занимать трон, не будет лишен его при помощи насилия»¹¹⁸.

В дни Вареннского кризиса Кондорсе, сблизившийся незадолго до этого с находившимся тогда в Париже Т. Пэйном, автором широко популярного памфлета «Здравый смысл», вместе с ним стал во главе небольшой группы буржуазных республиканцев, также занимавших место на правом фланге этого направления в республиканском движении. Активную роль играл здесь также полковник Ахилл Дюшатле, в прошлом — подобно своему другу и родственнику Лафайетту и Т. Пэйну — участник американской революции. Группа эта приступила в июле 1791 г. к изданию журнала «Республиканец»¹¹⁹, в котором и печатались статьи Кондорсе¹²⁰ и Т. Пэйна.

Однако гораздо более сплоченным и значительным являлся другой центр буржуазных республиканцев, которому суждено было впоследствии стать ядром партии «жирондистов» в широком понимании этого наименования. Это был тоже немногочисленный, объединенный внутренними дружескими связями кружок, группировавшийся вокруг М. Ж. Ролан, жены будущего жирондистского министра внутренних дел. Через игравшего здесь видную роль Бриссо кружок этот был связан с первым центром, а также (до июля 1791 г.) через Банкаль дез Иссара и Лантена — с «Социальным кружком» (точнее с «Федерацией друзей истины»), с рядом клубов «друзей конституции», т. е. с Якобинскими клубами в Париже, Лионе, Клермон Ферране.

Хотя члены этой группы (в особенности Лантена) усердно ратовали за расширение прав различных народных обществ, клубов, первичных собраний и т. д., но в действительности, как это справедливо отметил еще М. Ковалевский, они стремились использовать эти массовые организации лишь как послушное орудие для осуществления своих целей¹²¹.

Цели же эти состояли не в расширении инициативы, энергии самих масс, а в том, чтобы, сокрушив с их помощью монархию, добиться захвата власти ставленниками крупной республиканской буржуазии. «У нас много рук, но мало голов», — писала М. Ж. Ролан 22 июня 1791 г.¹²², полагая, подобно Кондорсе, что этими головами могут быть лишь представители буржуазной элиты, подобные ее ближайшим друзьям и единомышленникам. Сожалея, что им не удалось заблаговременно создать некую немногочисленную «ассоциацию», располагавшую собственной газетой и типографией¹²³, М. Ж. Ролан в дни кризиса лета 1791 г. свои усилия направила на создание «партии»¹²⁴ буржуазных республиканцев, призванной обеспечить их влияние на массы и привести к руководству нападением на монархию со всех сторон, т. е. «сверху» и «снизу». Члены кружка М. Ж. Ролан стояли далеко от важнейшего организационного центра демократического

¹¹⁸ «Patriot français», 19.VII 1790.

¹¹⁹ Полное название журнала: «Républicain ou le Défenseur du gouvernement représentatif par une société des republicains». Всего вышло 4 номера, между 10 и 24 июля 1791 г. Имеются данные о том, что автором проспекта, выпущенного в виде афиш, являлся Т. Пэйн, но подписан он был именем Дю Шатле (см., напр. «Lettres autographes de madame Roland...», p. 267). Об этом журнале и его издателях см. M. D. Conway. Thomas Paine et la Révolution dans les Deux Mondes. Paris, 1900, p. 190—192; F. A. Lenguey. Condorcet. Paris, 1904, p. 102—107; L. Cahen. Op. cit., p. 249—252; A. Олар Указ. соч., стр. 172—177.

¹²⁰ Condorcet. Oeuvres, t. XII. Paris, 1849.

¹²¹ См. М. Ковалевский. Указ. соч., т. III, стр. 159.

¹²² «Lettres autographes de madame Roland...», p. 244.

¹²³ См. «Lettres autographes de madame Roland...», p. 255—256.

¹²⁴ Ibid., p. 255.

республиканского движения — клуба Кордельеров, а их сближение с «Социальным кружком» объясняется намерением подчинить «Федерацию друзей истины» своему влиянию, захватить в свое распоряжение газету и типографию кружка. Показательно, что после отъезда из Парижа Фоше, через которого были установлены эти связи, М. Ж. Ролан и ее друзья (в частности, Лантена) перестали посещать собрания «друзей истины»¹²⁵, хотя и видели их значительную роль в республиканском движении. 1 июля 1791 г. М. Ж. Ролан писала своему обычному корреспонденту — Банкалю: «Сегодня «Социальный кружок» открыто обсуждает вопрос о том, должны ли быть сохранены короли: это единственный, после кордельеров, клуб в столице, который осмелился действовать столь открыто»¹²⁶.

Членов обеих групп: Кондорсе — Пейна и Ролан — Бриссо сближала и связывала общность их политического идеала, который они видели в буржуазной республике США¹²⁷, конституция которой, принятая в 1787г., даже формально не включала так называемых буржуазно-демократических свобод¹²⁸, а закрепляла всю полноту власти за крупными собственниками.

М. Ж. Ролан и Бриссо поддерживали пропагандировавшуюся Кондорсе идею передачи исполнительной власти в руки выборного и сменяемого «исполнительного совета» узкого состава, который бы «уравновешивал»¹²⁹ (а фактически ограничивал) законодательный корпус, подобно тому, как это делает в США сенат по отношению к конгрессу.

Подробности этого плана мы узнаем из специально посвященных ему работ Кондорсе¹³⁰. «Исполнительный совет» должен был состоять из пяти или семи человек, избираемых сложным путем параллельно с выборами в Законодательное собрание и периодически заменяемых последним из числа кандидатов, собравших наибольшее число голосов. О том, кого именно рассчитывал Кондорсе, да и другие буржуазные республиканцы увидеть в числе будущих министров — членов нового правительства Франции — красноречиво говорят следующие слова Кондорсе, утверждавшего, что «...народу не придет в голову мысль призвать на важный пост людей без соответствующей репутации», что «никто не собирается ни выбирать лоцмана в морские министры, ни доверить простому солдату военное ведомство»¹³¹.

Наиболее активным пропагандистом американских политических порядков являлся Бриссо. В 1786 г. он написал, совместно с Клавьером, книгу «О Франции и Америке, или о значении американской революции для счастья Франции... о взаимной выгоде, которую они могут извлечь из их

¹²⁵ Ibid., p. 269.

¹²⁶ Ibid., p. 268.

¹²⁷ См. E. Ellegu. Brissot de Warville. Boston — New York, 1915, p. 59—90, а также специально посвященную этому вопросу работу: L. M. Gidney. L'influence des Etats-Unis d'Amérique sur Brissot, Condorcet et M-me Roland Paris, 1930.

¹²⁸ Именно поэтому половина штатов ратифицировала конституцию (да и то крайне незначительным большинством голосов), лишь на условии включения в нее так называемого «билля о правах» (см. М. Н. Захарова. Из истории борьбы американского народа за национальную независимость, свободу и демократию (1776—1876). «Вопросы истории», 1954, № 4, стр. 47). Сам этот билль, являвшийся вынужденной уступкой буржуазии народу, был принят под влиянием французской революции и борьбы возглавлявшихся Т. Джефферсоном демократических сил лишь 15 декабря 1791 г. в виде первых десяти так называемых поправок к Конституции (см. А. В. Бабин. История Северо-Американских Соединенных Штатов, т. I. СПб., 1912, стр. 344—345).

¹²⁹ «Lettres autographes de madame Roland...», p. 255—256.

¹³⁰ Condorcet. Conseil electif. Oeuvres, t. XII.

¹³¹ Ibid., p. 260.

торговых связей...»¹³². В следующем году он получил возможность совершить путешествие в США. Произошло это при следующих весьма характерных обстоятельствах. Бриссо вместе с Клавьером принял участие в затейных группой европейских банкиров операциях с американскими займами и был послан ими в США в качестве уполномоченного, завоевавшего полное уважение со стороны представителей американских партнеров — Крейджи и Дуэра¹³³. Пребывание его в США, прерванное сообщениями о начале революционных событий во Франции, совпало с периодом выработки конституции заантлантической республики. Познакомившись с вдохновителями и организаторами антидемократического заговора, своеобразного государственного переворота в виде тайных заседаний кучки делегатов так называемого Филадельфийского «конгресса», Бриссо дал им восторженные характеристики. Фигуры Гамильтона и Медисона, обнаруживших в это время, по словам прогрессивного американского историка, «полнейшее презрение к массе народа»¹³⁴, настаивавших на сосредоточении всех политических прав в руках крупных собственников, изображались им в идиллических тонах, в виде оживших героев античности — новых Цинциннатов и Эламинондов. Таким образом, идеализация тогдашней американской «свободы» и «демократии» полностью заслонила от Бриссо подлинную картину бедственного положения народных масс, вынесших на себе все тяготы борьбы и обремененных ее экономическими последствиями (жесточайшая инфляция, захват земель буржуазными спекулянтами и плантаторами) и попытавшихся с оружием в руках подняться в дни восстания под руководством Даниэля Шейса против алчной клики, присвоившей себе все результаты революции. Ничего этого не заметил Бриссо, увлеченный своим деловым «поручением» и новыми, родившимися уже в США, спекулятивными замыслами — на этот раз участием в перепродаже земель на Западе. Очарованный любезным приемом буржуазных «приобретателей» и их политических лидеров, привлекаемый огромными земельными богатствами страны (кстати, тоже похищенными у коренных обитателей этих территорий), Бриссо, видимо, прекрасно чувствовал себя в США, так как задумал переселиться в Пенсильванию вместе с семьей и друзьями. Будучи одним из основателей парижского общества борьбы с невольничеством, он не мог, правда, не выразить своего осуждения его сохранению, но сделал это в достаточно деликатной форме. Во всем же остальном Бриссо видел в США, вопреки тысяче самоочевидных фактов, не только торжество свободы, но и драгоценный пример умения «сохранить ее»¹³⁵.

Таково было, следовательно, реальное социальное, классовое содержание того «идеала», по образцу которого, как мы видим еще очень далекого даже от формальных принципов буржуазной демократии, собирались Бриссо, Кондорсе, М. Ж. Ролан и другие буржуазные республиканцы перестраивать переживавшую острый кризис политическую жизнь Франции.

Именно это реальное классовое содержание политической позиции, а не особенности чисто теоретических воззрений, и отличало их от идеологов

¹³² E. Clavière et J. P. Brissot de Warville De France et des Etate-Unis. ou de l'importance de la révolution de l'Amérique pour le bonheur de la France, des rapports de ce royaume et des Etats-Unis, des avantages réciproques qu'ils peuvent retirer de leurs liaisons de commerce et enfin la situation actuelle de Etats Unis. Londres, 1787.

¹³³ См. их письма, приведенные в приложениях к книге E. Ellery. Op. cit., p. 433—436.

¹³⁴ А. М. Саймонс. Социальные силы в американской истории М, б. г., стр. 64.

¹³⁵ E. Ellery. Op. cit., p 90

и руководителей демократического направления в республиканском движении лета 1791 г.

Центрами этого направления принято считать клуб Кордельеров и «Социальный кружок». Однако до сих пор исследователи не задавались следующим вопросом: совпадают ли, аналогичны ли место и роль этих организаций в движении, а если нет, то в чем именно заключались существовавшие в их деятельности различия и каково их историческое значение. Сейчас нам и предстоит дать посильный ответ на этот, как нам во всяком случае представляется — только на первый взгляд частный, а в действительности далеко не маловажный вопрос.

Клуб Кордельеров, связанный с рядом народных обществ через их Центральный комитет, руководимый Робером, с первых же дней кризиса явился инициатором организации активных массовых выступлений против монархии. Его первая петиция настаивала либо на немедленном провозглашении республики, либо на отсрочке решения этого вопроса до тех пор, пока не высказутся первичные собрания в департаментах, чтобы не бросить страну вновь «в цепи и узы монархии»¹³⁶. Роль этого клуба по ее ведущим признакам может быть охарактеризована как роль главного организационного центра демократического направления в республиканском движении. Политический идеал кордельеров и возглавлявшегося Бонвиллем левого, более радикального меньшинства «Федерации друзей истины», руководимой «Социальным кружком», совпадал. Он заключался в требовании республики, в которой осуществлялся бы принцип «народоправства», т. е. утверждения всех основных законов самим народом при помощи систематически проводимых референдумов. Этот принцип защищал у кордельеров Рене де Жирарден 29 мая и 7 июня 1791 г. По словам Олара, выслушав этот доклад, члены клуба голосованием подтвердили свою верность этому принципу¹³⁷. Однако ни в одной из петиций, направленных клубом Учредительному собранию и распространявшихся среди населения Парижа и департаментов, не содержалось разъяснения особенностей непривычного для Франции республиканского строя, да еще основанного на сложной системе референдумов. Не находим мы соответствующих материалов и на страницах газеты клуба.

Руководители клуба кордельеров не выполнили этой важной задачи — разъяснения массам сущности и особенностей демократической республики — по двум причинам. Во-первых, выдвинув требование республики в своей первой петиции от 21 июня, они уже с 24 июня и вплоть до событий 17 июля избегали открыто формулировать эту свою цель, ограничиваясь протестом против намерений Собрания (сначала замаскированных, а после известного постановления 15 июля, реабилитировавшего короля — явных) вернуть исполнительную власть в руки Людовика XVI и требованием передать этот вопрос на рассмотрение первичных собраний в департаментах. Этот тактический шаг был сделан ими ввиду того, что народные общества столицы (не говоря уже о более широких массах ее населения) и столь влиятельный Якобинский клуб в Париже и «присоединившиеся» к нему «общества друзей конституции» в провинции, как мы знаем, в своем большинстве еще не были настроены в пользу республики¹³⁸. Поэтому мы, в частности, возражаем против характеристики как «республикан-

¹³⁶ A. Mathiez. Op. cit, p. 47.

¹³⁷ См. А. Олар. Указ. соч., стр. 185.

¹³⁸ Олар утверждает, что этот временный, как он сам его называет, отказ кордельеров от требования республики был в первую очередь вызван их соглашением с якобинцами-демократами, представителем которых он, по нашему мнению ошибочно,

ской» массовой демонстрации 24 июня перед депутатами Собрания, в которой, наряду с буржуазными группами, приняло широкое и организованное участие и трудовое население Сент-Антуанского предместья. То, что эти демонстранты энергично бранили короля и угрожали депутатам-роялистам, еще отнюдь не свидетельствует о готовности масс откатиться от монархии и требовать немедленного установления республики.

Сняв временно, из тактических соображений, лозунг республики, кордельеры, естественно, лишили уже этим одним себя возможности сколько-нибудь широко пропагандировать его в массах.

Во-вторых, клуб Кордельеров не располагал в это время необходимыми для этой цели издательскими возможностями и собственным популярным и влиятельным печатным органом. Небольшая газета клуба начала выходить лишь за несколько дней до событий 21 июня и была посвящена публикации протоколов его заседаний¹³⁹, на которых, кстати говоря, также не подвергался обсуждению вопрос о сущности и особенностях республиканского строя. Газета Рутледжа «Горнило» может быть лишь условно названа одним из органов клуба Кордельеров, как это делает А. Олар¹⁴⁰.

Эти издательские возможности для печатания петиций, этот печатный орган демократическое республиканское движение и нашло как раз в «Социальном кружке». В принадлежавшей ему хорошо оборудованной типографии были срочно отпечатаны две первые и некоторые из последующих петиций кордельеров¹⁴¹. Газета кружка — «Железные уста», как это заметил еще Мишле, после бегства короля «была единственной, которая сразу, открыто и смело выступила за республику»¹⁴². Эта характеристика подтверждается и выводами авторов некоторых новейших зарубежных работ¹⁴³. Мы уже знаем, что такой эта газета стала не случайно и не внезапно. Она имела к этому времени, вероятно, уже довольно значительное число подписчиков¹⁴⁴, была известна не только в Париже, но отчасти и в провинции. Таким образом, опубликование на страницах газеты «Социального кружка» петиций кордельеров, освещение здесь их дальнейшей

считает Бриссо, идею которого о создании «исполнительного совета» кордельеры якобы при этом поддержали (А. Олар Указ соч, стр. 170). Материалы, опубликованные Матъезом, не подтверждают подобного объяснения. Следует отбросить как безосновательное позднейшее утверждение Бриссо, будто бы кордельеры даже «вступили в союз с противниками республики».

¹³⁹ См. А. Mathiez Op. cit., p. 42—44.

¹⁴⁰ А. Олар. Указ соч, стр. 140.

¹⁴¹ Здесь была отпечатана в виде афиш петиция 21 июня. См. М. Тоугнеух, t. II, № 9817, Национальная библиотека Lb⁴⁰ 2381, так называемая «декларация тираноубийц» 22 июня (Национальный архив, DXXXIX^b 35, досье № 365 и др.). После отказа постоянного издателя Якобинского клуба в типографии «Социального кружка» в ночь на 17 июля была также срочно отпечатана составленная представителями этого клуба петиция с внесенными туда и отвергнутыми якобинцами поправками в республиканском духе. Эту «Петицию франков на Марсовом поле» подписывали утром 17 июля в помещении бюро кружка и отсюда рассылали готовившимся идти на демонстрацию секциям и народным обществам («La Bouche de fer», № 95, 17.VII 1791).

¹⁴² J. Michélet. Histoire de la Révolution française, t. III, Paris, 1848, p. 3.

¹⁴³ Так, напр., К. Г. Перг (Университет Сев. Каролины, США), весьма полно обследовавший парижскую прессу периода кризиса, характеризует «La Bouche de fer», как «самую смелую из республиканских газет» (См. С. Н. Pegg. Sentiments républicains dans la presse parisienne de la fuite du roi. «Annales historiques de la Révolution française», 1934, t. II, p. 72).

¹⁴⁴ По уставу «Федерации друзей истины» подписка на газету являлась необходимым условием оформления членства, а как известно, собрания этой организации в цирке Пале-Рояля бывали весьма многочисленными.

судьбы являлось важным источником информации о ходе республиканского движения, что не могло не служить делу популяризации его идей и целей.

На страницах газеты ее редактор Бонвилль вел так нехватавшее этим петициям и материалам, публиковавшимся в газете кордельеров¹⁴⁵, систематическое разъяснение сущности своего республиканского идеала, от которого он не считал необходимым отказываться из тактических соображений, идя в данном случае впереди масс, а не приспособляясь к их более отсталым взглядам, как это сделали кордельеры. Далее, трибуна «друзей истины» в цирке Пале-Рояля, заполнявшегося во время их собраний несколько раз в неделю многочисленной аудиторией, открытая, как мы видели, с весны 1791 г. для представителей народных обществ, для всех желающих, также служила местом все более активной пропаганды республиканской идеи, и эта устная пропаганда отражалась и закреплялась на страницах газеты «Социального кружка», что значительно расширяло сферу ее действия.

Таким образом, в лице «Социального кружка» и его газеты мы обнаруживаем важнейший пропагандистский центр демократического республиканского движения, тесно связанный с главным организационным центром этого движения — клубом Кордельеров и дополнявший его в своей деятельности.

Однако одно это обстоятельство еще не определяет полностью особенности места и роли «Социального кружка» в этом движении. Документы, исходившие от клуба Кордельеров, не связывали перехода к республике с какими бы то ни было конкретными социальными требованиями, направленными на удовлетворение нужд неимущих масс¹⁴⁶. Вероятно это объясняется в первую очередь тем, что основной автор этих петиций — Робер стоял в этих вопросах лишь на буржуазно-демократических позициях, хотя незадолго до этого он в своей газете освещал с явным сочувствием положение парижских рабочих и их первые попытки создания своих союзов для борьбы за повышение заработной платы. Впрочем, осуждая насильственные действия городских властей, Робер высказывался за принцип свободной конкуренции¹⁴⁷. Вообще деятельность Ф. Робера требует особого исследования, но, к сожалению, в наших книгохранилищах отсутствует основной источник — его газета «Национальный Меркурий». Выше мы высказывали предположение, что именно благодаря влиянию Робера, столь превозносимому Оларом, в окончательном тексте петиции против имущественного ценза для депутатов, поданной 15 июня 1791 г. от имени народных обществ, не нашли отражения те глубокие социальные мотивы, которые были развиты в речи Лорине по этому вопросу¹⁴⁸.

Возможно, что именно эта крайняя умеренность в социальных вопросах Робера, пользовавшегося летом 1791 г. в качестве руководителя ЦК народных обществ столицы определяющим влиянием в клубе Кордельеров, нашедшего поддержку со стороны определенной буржуазной части его

¹⁴⁵ Появившееся в конце 1790 г. сочинение Ф. Робера «Le republicanisme adapté à la France» уже в силу одного своего объема (110 стр.) не могло быть рассчитано на массового читателя, которому были доступны афиша-листовка, краткая статья в газете, сжатый политический памфлет, но не подобный трактат.

¹⁴⁶ Как показывают протоколы клуба, не выдвигались подобные требования и на его заседаниях в дни кризиса лета 1791 г. Обсуждавшийся здесь 30 июня проект Феррера об организации земельного банка предусматривал получение ссуд собственниками (см. A. Mathiez. Op. cit., p. 70—85).

¹⁴⁷ А. О л а р. Указ. соч., стр. 129.

¹⁴⁸ См. выше, стр. 187.

членов, и привела несколько позже, в ноябре 1791 г., к расколу в этом клубе, из состава которого выделилась группа членов, организовавшая новый клуб под тем же названием. То, что руководящую роль в этой группе играли Рутледж и Шометт¹⁴⁹ (они же, вероятно, и были инициаторами раскола), делает подобное предположение весьма вероятным, однако для проверки его требуется специальное изучение соответствующих фактов.

В данном случае не столь важно, почему именно тогдашние руководители клуба Кордельеров не связывали республиканской идеи с удовлетворением социальных требований неимущих, предпролетарских масс, как то, что это сделал именно один из идеологов и руководителей «Социального кружка», Бонвилль, на страницах редактировавшейся им его газеты. Это обстоятельство требует, чтобы мы выделили эту позицию, рассматривая ее как доказательство существования крайне левого, социального крыла в демократическом республиканском движении лета 1791 г.

Изложив это предположение, обратимся к рассмотрению наиболее существенных фактов, послуживших основанием для такого рода вывода.

Хотя руководители конституционно-монархической крупной буржуазии осуждали в принципе саму республиканскую идею и поэтому нападали в Собрании на представителей буржуазных республиканцев¹⁵⁰, но своего главного врага они справедливо видели в апеллировавших к массам руководителей демократического направления в этом движении, сосредоточенных в клубе Кордельеров как его признанном главном организационном центре. Против участников этого массового, народного республиканского движения они и направили огонь ружей Национальной гвардии 17 июля 1791 г., подвергнув его руководителей из числа активных членов этого клуба судебным преследованиям и гонениям. Этот страх перед распространением влияния республиканской идеи в ее демократическом понимании был продиктован боязнью крупной буржуазии потерять авторитет и влияние в массах. Ибо это, в свою очередь, угрожало активизацией той борьбы неимущих, предпролетарских масс за удовлетворение их социально-экономических требований, которая была временно подавлена при помощи «буржуазного государственного переворота» 14 июня — закона Ле Шапелье и серии предшествовавших его изданию других антидемократических законов, принятых Собранием.

Вот почему Барнав в составленном им тексте обращения Якобинского клуба к «присоединившимся обществам» в провинции утверждал, что после бегства короля якобы «все разногласия забыты, все патриоты объединились. Наш вождь — Национальное собрание, конституция — наш лозунг объединения»¹⁵¹. После версии о «похищении» короля это была новая и опасная ложь. Да, несомненно, в эту минуту грозной опасности для нации, когда побег короля воспринимался как саморазоблачение главарей роялистского заговора, ориентировавшегося на организацию вооруженной иностранной интервенции со стороны феодально-монархической контрреволюции, — в стране произошло в широких масштабах сплочение «ак-

¹⁴⁹ См. А. Mathiez. *Op. cit.*, p. 82.

¹⁵⁰ Напомним о сцене, разыгравшейся 1 июля 1791 г. в Учредительном Собрании, когда там выступил Малуэ, обнаруживший на дверях здания афишу с проспектом журнала «Республиканец» (см. Archives parlementaires, I série, t. XXVII, p. 613—615). Барнав в своей речи 15 июля высмеивал Кондорсе, говоря о людях «более сведущих в геометрии, чем в политике» (*ibid.*, т. XXVIII, p. 330).

¹⁵¹ А. Aulard. *La société des jacobins*, t. II, p. 312.

тивных» граждан вокруг Собрания¹⁵². Этим естественным движением были в первый момент охвачены и трудовые массы. Но, во-первых, те из них, кто подобно жителям Сент-Антуанского предместья, присягнули Собранию в верности «нации и закону», вовсе не выражали этим своей готовности примириться с антидемократической конституцией 1791 г., лишившей, как мы знаем, подавляющее большинство народа основных гражданских прав. А во-вторых, и это, конечно, было наиболее важно, если уровень сознания плебейских, предпролетарских масс делал их в то время еще не столь чувствительными к проблемам политической жизни, то экономическое положение этих масс как угнетенных и эксплуатируемых независимо от их воли толкало их не к примирению с крупной буржуазией, а на борьбу с ней во имя своих насущных социальных нужд. Многочисленные факты полностью опровергают утверждение Олара о том, что в это время в среде рабочих якобы «не существовало чрезмерных (?) социальных страданий»¹⁵³. Такого рода страдания, как, например, безработица, поразили в это время в Париже 25 тыс. человек, временно занятых в благотворительных мастерских, не считая членов их семей, откуда пришла часть людей, живших ранее как в столице, так и в провинции¹⁵⁴. Конечно, подобные факты еще не создавали сами по себе условий для возникновения «организованной социалистической партии», которую Олар пытался обнаружить и, конечно, не обнаружил в Париже в 1791 г., но они в своей совокупности создали почву для возникновения социального аспекта республиканской идеи, субъективно и объективно отражавшего и выражавшего специфические социальные требования предпролетарских масс, нуждавшихся прежде всего в обеспечении их работой как единственным источником существования. Этот аспект и был выдвинут Бонвиллем. При этом, как мы увидим, внутренняя антибуржуазная направленность подобного понимания республики, подобное происхождение его неизбежно толкали автора к дальнейшим выводам утопически-коммунистического характера.

При анализе основных источников наших сведений по этому вопросу — газеты «Социального кружка» и книги Бонвилля «О духе религий» — наше внимание обращает на себя прежде всего тот факт, что в то время, как буржуазные республиканцы считали необходимым привлечь к себе образованные «головы», в то время как Робер адресовал свой обширный трактат о республиканском строе опять-таки образованному читателю, Бонвилль в эти дни, являвшиеся лучшей страницей в его политической биографии, обращается именно к тем обладателям «рук», за кем М. Ж. Ролан и ее друзья и единомышленники отрицали способность к самостоятельным суждениям и решениям. Фигура человека из народа, активного участника революционных боев, с его нуждами и страданиями, с присущим ему ограниченным запасом образованности, чтобы не сказать грамотности, — вот адресат статей Бонвилля.

Об этом красноречиво свидетельствует название первого его выступле-

¹⁵² Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с приветственными обращениями к Собранию, буквально сотнями поступавшими от директоров департаментов, муниципалитетов, первичных собраний и т. д. См. Archives parlementaires, tt. XXVII, XXVIII (по указателю под рубрикой «Assemblée Nationale. Adresses et dons patriotiques»).

¹⁵³ А. Олар. Указ. соч., стр. 131.

¹⁵⁴ М. Ковалевский считает, что число рабочих в «публичных мастерских» на Монмартре достигло к весне 1791 г. даже 31 тысячи человек (Указ. соч., стр. 158). Кроме того, далеко не все нуждавшиеся в работе могли (и хотели) получить ее именно в такой форме.

ния, выразительно озаглавленного «Советы тем, кто шел с пиками 14 июля»¹⁵⁵. Народ говорит своим представителям: «Я не поручал вам составлять для меня законы по-гречески или по-латыни... я принадлежу к партии нации — французская нация должна иметь законы, составленные по-французски. Замените слово монархический словом национальный»¹⁵⁶. Бонвилль считает, что для друзей свободы — республиканцев, после бегства короля пришло время «обратиться к наиболее многочисленному классу граждан» и, определяя свой идеал — «заимствовать как можно больше для этой цели у них их речь, ее формы»¹⁵⁷, т. е. сделать понятие республики доступным народу. Вот почему пропагандируемый газетой политический строй получает название правления республиканского или национального. Это объясняется еще и тем, что в той республике, которую пропагандировали Бонвилль и его единомышленники из «Социального кружка» и клуба Кордельеров, основные законы должны были утверждаться нацией¹⁵⁸, так как республика — это общее дело (*chose commune*), это общественное дело (*chose publique*), это «великая национальная община»¹⁵⁹. 25 июня Бонвилль опубликовал в газете проект декрета, который надо получить от Собрания, провозглашающий принцип референдума (*ratification inalienable*) в качестве основы конституции, и затем 29 июня — план «организации суверенных собраний свободного народа».

Выраженное в этих проектах отрицательное отношение к так называемой «представительной системе» буржуазного парламентаризма, осуществленной уже тогда в Англии и США, как это справедливо заметил М. Ковалевский, представляет собой первую и потому наивную, нереальную форму исторически, однако, в высшей степени прогрессивного требования установления контроля избирателей за деятельностью депутатов, не связанных императивным мандатом¹⁶⁰. Верный свойственному всем деятелям кружка отрицательному отношению к революционным действиям, Бонвилль наивно рассчитывал на осуществление этих мер мирным путем, путем декретирования их буржуазным Собранием. Однако сама эта идея обладала, несомненно, революционным содержанием. Это видно, например, из тех выводов, которые сделал из выступлений газеты кружка еще в конце мая неизвестный автор корреспонденции из Страсбурга. Он предлагал, чтобы граждане образовали лигу из всех первичных собраний: «Социальный кружок» должен установить ее связь с 48 секциями Парижа и стать организатором референдумов. Таким путем должны быть отменены дурные декреты и выработаны новые, действительно выражающие общую волю, т. е. волю большинства народа. Этот план был направлен против врагов народа, которых автор видел в лице «Ле Шапелье, Лепелетье, якобинцев и других аристократов»¹⁶¹. Бонвилль был прав, разъяснив автору письма, что нельзя рассматривать всех членов Якобинского клуба как одно целое. В то же время он решительно уклонился от того революционного пути борьбы за демократию, на который его толкал корреспондент из Страсбурга.

¹⁵⁵ «La Bouche de fer», № 71, 23.VI 1791.

¹⁵⁶ Ibid., № 81, 3.VII 1791.

¹⁵⁷ Ibid., № 71, 23.VI 1791.

¹⁵⁸ Поэтому мы полагаем, что понятие «gouvernement national» следует переводить как «народоправство» или «народовластие» и лишь в отдельных случаях как «народное правительство».

¹⁵⁹ «La Bouche de fer», № 81, 3.VII 1791.

¹⁶⁰ М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 173. В 1793 г. пережившая «Социальный кружок» его типография издала работу Варле об императивном мандате.

¹⁶¹ «La Bouche de fer», № 67, 13.VI 1791.

Бонвилль предусматривал участие в суверенных собраниях всех граждан, достигших 25 лет или признанных до этого совершеннолетними благодаря их полезной для отечества деятельности, независимо от того, имеют ли они постоянное местожительство или нет, «потому что это вина плохого управления, если хоть один человек не имеет к 25 годам жены, детей, если ему не обеспечена жизнь в достатке (*la vie suffisante*), если у него нет своего жилища...»¹⁶²

Таким образом, республиканское, или национальное правление противопоставляется тем «дурным правлениям», которые не обеспечивали гражданам «жизнь в достатке». Это — дальнейшее развитие мыслей Фоже, высказанных им с трибуны цирка в Пале-Рояле еще в феврале 1791 г., когда он отказался признать конституцию завершённой до тех пор, пока она не гарантирует всем гражданам эту «жизнь в достатке», не только провозгласив обязательность труда, но и предоставив всем возможность трудиться¹⁶³. Продолжая конкретизировать социальную трактовку понятия республики, Бонвилль переводит ее английское наименование *commonwealth* как *richesse commune à tous*, т. е. как общее богатство, богатство, принадлежащее всем. Такого рода понимание республики и привело Бонвилля к отмеченному вскользь¹⁶⁴, но не освещенному в литературе его выступлению в защиту оставшихся без работы и без куска хлеба 22 тыс. рабочих благотворительных мастерских.

Впервые вопрос о положении этих рабочих систематически осветил Е. В. Тарле¹⁶⁵. В своей известной работе он показал нараставший в их среде протест против декрета Собрания от 16 июня о закрытии этих мастерских с 1 июля 1791 г., — протест, выразившийся в подаче петиций. Но, к сожалению, Е. В. Тарле остались неизвестными факт обращения этих рабочих за советом и помощью к газете «Социального кружка» и содержание ее выступлений по этому вопросу. 27 июня 1791 г. здесь появилась корреспонденция некоего Лемуана, сообщавшего о содержании смиренной просьбы рабочих о приостановлении исполнения декрета. 29 июня Бонвилль ответил на обращение к нему рабочих статьей «Вот где взять деньги и работу». «Ничего нет легче, как решить эту задачу, — писал он, — если вы намерены не иметь больше ни королей, ни священников, ни дворян... если мы используем 25 миллионов ливров бывшего короля на осуществление крупных работ, проводимых нацией, если мы потребуем, чтобы для этой цели имущества эмигрантов и изменников были проданы в пользу нации. Эти люди — ее враги, являющиеся причиной нищеты в обществе. Покидая отечество, они сами вынесли себе приговор, но они не могли унести с собой наши земли: они принадлежат нации, которая их возделывает. Вот, следовательно, где находится огромный источник земельных фондов; к нему можно добавить имущества, захваченные нашими лицемерами-священниками»¹⁶⁶. С этим требованием Бонвилль и советует рабочим обратиться к Собранию. «Привет и радость 22 тыс. рабочих, обратившихся за советом к «Железным устам». Граждане, братья и друзья — смело, с любовью к свободе и с уважением к законам обращайтесь прямо к

¹⁶² «La Bouche de fer», № 76, 28.VI 1791.

¹⁶³ См. названную выше работу автора (сб. «Из истории социально-политических идей», стр. 323—325).

¹⁶⁴ См. E. Soreau *Ouvriers et paysans de 1789 à 1792*. Paris, 1936, p. 198.

¹⁶⁵ См. Е. В. Тарле. Указ. соч., ч. 1, гл. IV. Благотворительные мастерские и «общественные работы», стр. 81—96. *Источники по этому вопросу были впервые опубликованы Тютеем* (см. «Assistance publique à Paris pendant la Révolution». Documents inédits, recueillis et publiés par Alexandre Tuetey, t. II. Paris, 1895).

¹⁶⁶ «La Bouche de fer», № 77, 29.VI 1791.

национальному собранию со следующей петицией: «Мы находимся в крайней нищете, у нас нет ни хлеба, ни работы. Это вина дурного правительства, которое вы уничтожили, это результат преступлений тиранов, которых вы наказали. Мы вас не обвиняем. Мы имеем право на существование, так как мы только требуем работы и не настолько низки, чтобы самим поднять руку на представляющие собой имущество бедняка богатства аристократов и священников-лицемеров. Это может разрешить только закон. Провозгласите же, что, преступно бежав, они сами лишили себя защиты закона. Пусть нация овладеет их собственностью. Мы клянемся вам на этих пиках, которые были с нами 14 июля, что ваш декрет будет исполнен и без утверждения его «королем»¹⁶⁷. Газета сообщила об обращении к ней «Центрального пункта ремесел», который конкретизировал идею Бонвилля, представив подробный и конкретный перечень подобного рода общественных работ, способных немедленно же занять много тысяч рабочих рук. Речь шла о работах по ремонту существующих вокруг Парижа каналов, об укреплении берегов рек, о прорытии канала между реками Луарой и Эрой, что создало бы водный путь от Руана до Нанта. Выбор именно такого рода объектов, особенно важных вследствие крайней запущенности при «старом режиме» внутренних водных путей Франции и недостатка каналов, говорит о том, что авторы проекта имели в виду производительное, экономически эффективное использование безработных, что они сами и подчеркивали, указывая в то же время, что ими могут быть представлены все необходимые чертежи и расчеты¹⁶⁸. 30 июня приглашенные специально делегаты народных обществ приняли этот проект, видимо, объединенный с проектом петиции, составленным Бонвиллем. Его поддержали клуб Кордельеров и секция Французского театра¹⁶⁹. По сообщению газеты кружка, 1 июля Собрание, выслушав эту петицию, передало ее в Комитет промышленности и сельского хозяйства, однако в протоколах заседаний Собрания имеется лишь запись об отклонении им 1 июля «новой петиции граждан — рабочих Парижа»¹⁷⁰, которую Бонвилль называет составленной руководителями мастерских, в отличие от петиции народных обществ¹⁷¹.

* * *

«Друзья истины» и газета кружка сыграли весьма важную роль в известных событиях 15, 16 и 17 июля 1791 г., представлявших собой кульминационный пункт в истории республиканско-демократического движения лета 1791 г. По словам А. Матьеза, Бонвилль стремился превратить собрание 15 июля в цирке Пале-Рояля в «крупную республиканскую демонстрацию»¹⁷². С этой целью он накануне обратился к членам всех народных обществ и демократических клубов с призывом принять участие в обсуждении вопроса о национальном или республиканском правительстве «с тем, чтобы торжественно выразить общую волю — не допустить возвращения на трон изменившего нам клятвопреступника»¹⁷³.

Призыв этот был услышан. Принятый в этот день Национальным собранием декрет, полностью обелявший короля, вызвал возмущение в на-

¹⁶⁷ «La Bouche de fer», № 77, 29.VI 1791.

¹⁶⁸ Ibid.

¹⁶⁹ «La Bouche de fer», № 78, 30.VI 1791.

¹⁷⁰ См. Archives parlementaires, t. XXVII, p. 611.

¹⁷¹ «La Bouche de fer», № 79, 1.VII 1791. Предыдущая петиция была отклонена Собранием 30 июня (см. Archives parlementaires, t. XXVII, p. 596—597).

¹⁷² A. Mathiez. Op. cit., p. 117.

¹⁷³ «La Bouche de fer», № 92, 14.VII 1791.

родных обществах и демократических секциях: вот почему цирк Пале-Рояля в назначенный час заполнили от 4 до 8 тыс. «мужчин и женщин всех сословий»¹⁷⁴. Члены клуба Кордельеров явились туда в полном составе после того, как они приняли утром этого дня на Марсовом поле петицию с протестом против действия Собрания, которую оно отказалось принять, а петиционеры были рассеяны кавалерией¹⁷⁵.

Среди выступавших в этой накалявшейся атмосфере ораторов мы видим на трибуне цирка ряд членов клуба Кордельеров, в том числе таких его видных деятелей, как Моморо и Сержана¹⁷⁶. Присутствовавшие единодушно отказались подчиниться декрету, провозглашавшему «невиновность» короля. По выходе из цирка они направились в клуб якобинцев, подтолкнув их этим к выступлению, которое, очевидно, было еще далеко от требования республики, так как этот клуб отверг на следующий день поправки, внесенные Бонвиллем в республиканском духе в текст петиции, составленной уполномоченными якобинцев.

Эта позиция влиятельных якобинцев, несомненно, ослабила движение, подавленное 17 июля силой оружия.

«Социальный кружок» и «Федерация друзей истины» распались под ударами этой временно восторжествовавшей буржуазной контрреволюции. 28 июля прекратила свое существование газета кружка. Бонвилль и его единомышленники вынуждены были прекратить свою открытую деятельность. «Спасение отечества зависит целиком от организации патриотических обществ», — сделал он вывод, надеясь, что в эту организацию войдут члены клуба Кордельеров, некоторые члены Якобинского клуба и представители народных обществ.

Подведем некоторые итоги. Роль газеты «Социального кружка» и Бонвилля как ее редактора и публициста в пропаганде требования демократической республики, в которой суверенитет народа осуществляется утверждением законов при помощи референдумов, — не требует особой оценки

Сложнее обстоит дело с характеристикой его проектов, связывавших переход к республике с осуществлением крупнейших социальных мероприятий в пользу рабочих. Мы полагаем, что неудача этих проектов не может и не должна служить основанием для оценки их сущности и значения. Напротив, этот факт должен насторожить внимание исследователя, поставив перед ним вопрос: случайно ли была отклонена, прямо или косвенно, эта петиция или в этом было нечто закономерное. Конечно, это не было случайностью. Вдумавшись в объективное содержание требования организации государством общественных работ в широких, национальных масштабах, мы увидим, что это требование имело потенциальную антибуржуазную направленность, так как такого рода мера борьбы с безработицей противоречит интересам капиталистических предпринимателей

Отнюдь не пытаюсь отождествлять исторические условия конца XVIII и середины XIX в., мы не можем в то же время не учитывать той оценки, которую дал Маркс выдвинутому рабочими во время революции 1848 г. требованию организации национальных мастерских, которые по своему названию «...были воплощенным протестом пролетариата против

¹⁷⁴ См А Mathiez Op cit, p 120—121, А Олар Указ соч, стр 189

¹⁷⁵ Когда пять делегатов клуба, с трудом проникнув в здание Собрания, обратились за помощью к Робеспьеру и Петгону, те объявили петицию уже «бесполезной», подтвердив это письмом, выданным ими для «успокоения» тех, кто направил делегацию (см А Mathiez Op cit, p 118—120)

¹⁷⁶ «La Bouche de fer», № 96, 18 VII 1791

буржуазной промышленности, буржуазного кредита и буржуазной республики»¹⁷⁷.

Нет, петиция, составленная Бонвиллем для 22 тыс. рабочих «благотворительных мастерских», еще не могла быть и не была отражением протеста против буржуазной промышленности, но она, несомненно, являлась своеобразным протестом против политики крупной буржуазии и рождающегося буржуазного государства по отношению к рабочим как в конституционной монархии, так и в буржуазной республике. Эта петиция, по нашему убеждению, является важнейшим из доказательств того, что Бонвилль с поразительной наивностью верил в возможность перехода от монархии к некоей социальной республике, первым долгом которой является забота о неимущих, о превращении результатов буржуазной революции в источник обеспечения важнейшим источником существования — работой, всех нуждающихся в ней.

Только в таком виде республика станет не на словах, а на деле государством, в котором все богатства общие и где, следовательно, невозможно сосуществование богатства немногих и нищеты масс. В том, что мы не ошибаемся, восстанавливая именно так ход мысли Бонвилля, нас убеждает ее дальнейшее развитие. Отказываясь видеть в республике сумму формально-юридических признаков государственного строя¹⁷⁸, он заявляет, что видит «единственный вид правления, показывающий в наиболее ясном виде идею республики»¹⁷⁹ лишь в истории тех народов, в жизни которых, по его мнению, отсутствовало социальное неравенство. Именно таким народом Бонвиллю представлялись древние франки, у которых существовала не только политическая демократия в виде излюбленного им «народоправства» (все важнейшие вопросы решались непосредственно самим народом), но и социальная демократия, или, как он выражается, была не только «великая национальная община», но и «великая социальная община», или «великая социальная общность» (*grande communauté sociale*)¹⁸⁰.

Сравним реальный идеал Кондорсе, Бриссо и М. Ж. Ролан — буржуазную республику США — и утопический в данных исторических условиях идеал стоявшего на противоположном фланге республиканского движения 1791 г. Бонвилля и мы увидим разделяющую их в то время грань, совершенно различное понимание ими социальной сущности того государства, тех общественных отношений, которые они видели в республике.

Крайне важно при этом уловить тенденцию, направленность мысли Бонвилля. Видя основание политической демократии древних франков в существовании у них «социальной общности», он должен был прийти к выводу о том, что последняя обусловлена была отсутствием частной собственности. Факты говорят о том, что именно таков и был ход мысли Бонвилля в этот период. В книге «О духе религий», изданной типографией «Социального кружка» в июле 1791 г. и рекомендованной автором всем «друзьям истины», подавляющее большинство которых оказалось несомненно совершенно невосприимчивыми к этой части его работы, Бонвилль, разгоряченный обстановкой революционного подъема в стране, в своих рассуждениях о собственности пришел к коммунистическим выводам.

Весьма существенно, что в отличие, например от Морелли, рассужде-

¹⁷⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс Избранные произведения, т. 1, М., 1955, стр. 127.

¹⁷⁸ Поэтому, напр., Бонвилль не считал «настоящей» республикой Венецию.

¹⁷⁹ «La Bouche de fer», № 79, 1.VII 1791.

¹⁸⁰ Ibid.

ния которого не исходили из оценки положения определенных социальных групп и не имели конкретного адресата в «низах» — Бонвилль отталкивается именно от реальных фактов социального, имущественного неравенства и подобно тому, как он это делал в своих выступлениях в газете кружка, — обращается к определенному адресату (другое дело, что практически эти обращения в силу ряда причин не достигали цели).

Этот адресат — труженики города и деревни, крестьяне, вынужденные питаться картофельной шелухой, рабочие, выстроившие раззолоченные палаты, в которых нежатся их враги. Вот этого-то «человека из народа» Бонвилль и призывает «осмелиться, наконец, потребовать облегчения своих бедствий от тиранов, похитивших его имущество и надежды»¹⁸¹. В качестве первой меры практического осуществления великого «социального единения» (*communion*) Бонвилль предлагает, чтобы Национальное собрание установило раздел земельных наследств на равные небольшие части (от 2 до 2,5 га), т. е., чтобы имущественное неравенство было сначала ослаблено. Но это будет лишь полумера, максимум возможного и достижимого при данных условиях. «Вы будете еще очень далеки от справедливости и от осуществления признанных вами равных и неотчуждаемых прав человека. Вы оставите еще на земле следы первородного греха, но лучшие законы не подойдут вам»¹⁸².

Что же это за «первородный грех», уничтожение которого недоступно для крупных собственников? И в чем же состоят эти «лучшие законы»? «Для друга истины первородный грех — это печальные последствия тиранических и жестоких законов, осуждающих человека с момента его рождения на страдания от всех тех мучений и оскорблений, которые ожидают бедняка». Что же порождает бедствия детей граждан «равных в правах»? Существование частной собственности. Вот почему Бонвилль признает несостоятельными полумеры в отношении этого зла, т. е. различного рода законы о периодическом и равном переделе земли, бывшие у некоторых народов в древности, равно как и попытки повторить подобные шаги в современных условиях. Наиболее совершенным он объявляет принцип «общности имуществ». Обращая, опять-таки, свой взгляд в прошлое, Бонвилль (как до него — диггеры, а несколько лет спустя — бабувисты) видит первую попытку осуществления этого принципа в проповеди раннего христианства, провозгласившей, что «земля, как и воздух, не является ничьей личной собственностью (*que la terre, ainsi que l'air, n'appartiennent à personne en propre*) и что плоды земли предназначены для всех»¹⁸³.

Но проповедь эта была извращена и стала орудием обогащения лицемеров, захотевших получить право пользоваться чужим имуществом и доходами с него¹⁸⁴. Напрашивается вывод о том, что идея «общности имуществ» должна быть очищена от этих искажений и тогда она и приведет к созданию совершенных законов. Однако, клеймя как «лицемеров и узурпаторов» авторов буржуазной Декларации прав, провозгласивших, что «собственность священна и неприкосновенна»¹⁸⁵, Бонвилль не дает дальнейшего изложения овладевшей его умом коммунистической идеи¹⁸⁶.

¹⁸¹ N. Bonneville *De l'esprit des religions*, pt. II. Paris, 1791, p. 11.

¹⁸² *Ibid.*, pt. I, p. 59—60.

¹⁸³ *Ibid.*, p. 65.

¹⁸⁴ *Ibid.*

¹⁸⁵ *Ibid.*, p. 78.

¹⁸⁶ Как нам представляется, несмотря на последующий резкий сдвиг вправо политической позиции Бонвилля в период обострения борьбы между якобинцами и жирондистами, что сблизило его, как и Фоше, с последними, он сохранил верность этой идее

Ф. Энгельс, утверждая в одной из своих ранних работ, что коммунизм Бабефа вышел из демократии революции 1789—1794 гг.¹⁸⁷, видел в этом проявление внутренней логики развития этой идеи. «Движение за социальное преобразование имеет во Франции политическое происхождение,— писал Ф. Энгельс.— Выяснилось, что демократия не может создать подлинного равенства и вследствие этого на помощь ей была призвана коммунистическая система»¹⁸⁸. Несколько лет спустя Маркс более глубоко сформулировал эту мысль о связи между выводом о недостаточности буржуазной, т. е. формальной демократии, даже при установлении буржуазной республики и требованием радикальным образом разрешить «социальные вопросы» в интересах пролетаризированных масс, что оказывается возможным лишь на основе уничтожения частной собственности¹⁸⁹.

Нам думается, что «наиболее последовательные республиканцы» 1795—1796 гг.— Бабеф и бабувисты,— которых в данном случае имеет в виду Маркс, именно в этом отношении (мало обращавшем на себя внимание исследователей) имели своих предшественников в критике формального характера буржуазной демократии и требованиях социального законодательства республики в пользу рабочих и всех бедняков — в лице весьма отличных от них идеологов левого, социального крыла республиканского движения лета 1791 г. (Бонвилль) и непосредственных руководителей плебейских масс в 1793 г.— «бешеных».

В этом аспекте перед нами раскрывается гениально уловленная молодым Марксом¹⁹⁰ сложная, прерывистая, но объективно, несомненно, существовавшая внутренняя преемственная связь между этими тремя этапами революционного движения 1789—1796 гг., упорно, шаг за шагом накапливавшего фактический и идейный материал для осознания необходимости установления такой республики, такой демократии, которая бы не только формально провозглашала «равные права», но и гарантировала действительное, т. е. социальное равенство.

Смутные очертания такой республики, причудливо искаженные как поисками ее обоснования не в реальных исторических условиях (ибо они тогда еще не существовали), а в идеализированной картине далекого прошлого, так и отрицанием революционных путей ее создания и были угаданы и обрисованы Бонвиллем, идеологом левого, социального крыла демократического республиканского движения 1791 г.

Таковы место и роль «Социального кружка» в этом движении.

в своих социальных взглядах, продолжая в то же время оставаться противником революционных методов ее осуществления. Вот почему он в 1797 г. резко осуждал Бабефа на страницах своей газеты «Le Tribun du Peuple et sa Bouche de fer».

¹⁸⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 529.

¹⁸⁸ Там же, стр. 530.

¹⁸⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 4, стр. 301.

¹⁹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 132.

О «Социальном кружке»

Р.Барни. Фоше и «Социальный кружок»

http://vive-liberta.narod.ru/journal/fauchet_fe-82-83.pdf

В.С.Алексеев-Попов. «Социальный кружок» и его политические и социальные требования (1790-1791 гг.)

http://vive-liberta.narod.ru/journal/cercle-social_alx-popov.pdf